

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт экономики и управления

Кафедра «Экономическая теория и
международные отношения»

Направление подготовки

41.03.05 «Международные отношения»

Профиль

Мировая политика и международный
бизнес

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

на тему

**Эволюция региональной подсистемы международных отношений на
Ближнем Востоке в начале XXI в.**

Студент

Ракитянский
Александр

подпись, дата

Руководитель

Рожкова Л. В.

подпись, дата

Нормоконтролер

Влазнева С. А.

подпись, дата

Работа допущена к защите (протокол заседания кафедры от _____ № _____)

Заведующий кафедрой

Рожкова Л. В.

подпись, дата

Работа защищена с отметкой _____ (протокол ГЭК от _____ № _____)

Секретарь ГЭК

Рассказова Н. В.

подпись, дата

Пенза 2023

ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
Институт экономики и управления
Кафедра «Экономическая теория и международные отношения»
Направление подготовки 41.03.05 «Международные отношения», профиль
Мировая политика и международный бизнес

«УТВЕРЖДАЮ»:
Зав. кафедрой
д.с.н., доцент Рожкова Л.В.

«_____» _____ 20__ г.

ЗАДАНИЕ
НА БАКАЛАВРСКУЮ РАБОТУ

студенту Ракитянского А., группа 19ЭА1, обучение очное

1 Тема бакалаврской работы: Эволюция региональной подсистемы международных отношений на Ближнем Востоке в начале XXI в.

утверждена приказом по университету

от «___» _____ 20__ г. № _____

2 Срок сдачи студентом законченной бакалаврской работы: 5.06.2023.

3 Исходные данные к бакалаврской работе: нормативно-правовая база, научная и справочная литература, данные сети Интернет.

4 Перечень подлежащих разработке вопросов: становление и развитие Ближнего Востока как подсистемы международных отношений, ближневосточный регион в современной системе международных отношений в XXI в.

5 Перечень графического материала: таблицы, рисунки.

6 Дата выдачи задания: 1.12.2022

График подготовки бакалаврской работы

№ п/п	Содержание работы	Срок выполнения	Дата выполнения, подпись руководителя
1	Составление плана ВКР	1.12.2022 – 15.12.2022	
2	Изучение исходных данных к бакалаврской работе	16.12.2022 – 9.01.2023	
3	Написание Главы 1	10.01.2023 – 19.02.2023	
4	Написание Главы 2	20.02.2023 – 27.03.2023	
5	Написание введения и заключения	5.05.2023 – 11.05.2023	
6	Оформление ВКР	12.05.2023 – 21.05.2023	
7	Сдача ВКР нормоконтролю, проверка в системе «антиплагиат.вуз»	22.05.2023 – 2.06.2023	
8	Ознакомление с отзывом руководителя	3.06.2023	
9	Представление законченной бакалаврской работы, передача в ГЭК	5.06.2023	

Руководитель _____ / Л. В. Рожкова /
(подпись) (инициалы, фамилия)

Задание принял к исполнению студент _____ / А. Ракитянский /
(подпись) (инициалы, фамилия)

Реферат

Бакалаврская работа 61 с., 2 ч., 7 рис., 3 табл., 56 источников.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК, РЕГИОНАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ, КОНФЛИКТЫ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Объектом работы является регион Ближнего Востока.

Цель исследования – выявление специфики эволюции региональной подсистемы международных отношений на Ближнем Востоке в начале XXI в.

Методологическая основа работы: политическая теория неореализма применительно к анализу региональной подсистемы Ближнего Востока

Результаты работы: произведен анализ понятия региона и региональных систем в рамках международных отношений; изучена роль Ближнего Востока в структуре исторических систем международных отношений; рассмотрена динамика развития Ближнего Востока как подсистемы международных отношений в конце XX в; рассмотрены региональные объединения и модели сотрудничества стран Ближнего Востока; изучены конфликты и очаги напряженности на Ближнем Востоке в меняющейся системе МО; представлены перспективы встраивания стран Ближнего Востока в современную систему международных отношений.

Рекомендации по внедрению. Результаты данной работы могут быть полезными для специалистов-востоковедов, специализирующихся на изучении Ближнего Востока.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в важной роли Ближнего Востока как региональной системы в международных отношениях. В связи с этим и необходимо повысить внимание к данному региону.

Summary

Bachelor's thesis 61 p., 2 ch., 7 figures, 3 tables, 56 sources.

MIDDLE EAST, REGIONAL SYSTEMS, CONFLICTS IN THE MIDDLE EAST

The object of the work is the region of the Middle East.

The purpose of the study is to identify the specifics of the evolution of the regional subsystem of international relations in the Middle East at the beginning of the XXI century.

Methodological basis of the work: political theory of neorealism as applied to the analysis of the regional subsystem of the Middle East

Results of the work: the analysis of the concept of the region and regional systems within the framework of the international relations; the role of the Middle East in the structure of the historical systems of the international relations; the dynamics of the Middle East as a subsystem of international relations in the late XX century; the regional associations and models of cooperation of the Middle East; the conflicts and hotbeds of tension in the Middle East in the changing system of international relations; the prospects of the Middle Eastern countries integration into the modern system of international relations.

Recommendations for Implementation. The results of this work may be useful for orientologists specializing in the study of the Middle East.

Theoretical and practical significance of the work lies in the important role of the Middle East as a regional system in international relations. In this connection and it is necessary to increase attention to this region.

Zusammenfassung

Bachelorarbeit 61 S., 2 Kap., 7 Abbildungen, 3 Tabellen, 56 Quellen.

NAHER OSTEN, REGIONALE SYSTEME, KONFLIKTE IM NAHEN OSTEN

Der Gegenstand der Arbeit ist die Region des Nahen Ostens.

Das Ziel der Studie ist es, die Besonderheiten der Entwicklung des regionalen Subsystems der internationalen Beziehungen im Nahen Osten zu Beginn des XXI Jahrhunderts zu identifizieren.

Methodische Grundlage der Untersuchung: neorealistische politische Theorie, angewandt auf die Analyse des regionalen Subsystems des Nahen Ostens.

Die Ergebnisse der Forschung: die Analyse des Konzepts der Region und regionale Systeme im Rahmen der internationalen Beziehungen; die Rolle des Nahen Ostens in der Struktur der historischen Systeme der internationalen Beziehungen; die Dynamik des Nahen Ostens als Subsystem der internationalen Beziehungen in den späten XX Jahrhundert; die regionalen Verbände und Modelle der Zusammenarbeit im Nahen Osten betrachtet werden; die Konflikte und Spannungen im Nahen Osten in der sich verändernden System der internationalen Beziehungen untersucht werden; die Aussichten der Länder des Nahen Ostens Integration in das moderne System der internationalen Beziehungen.

Empfehlungen für die Umsetzung. Die Ergebnisse dieser Arbeit können für Orientalisten, die sich auf das Studium des Nahen Ostens spezialisiert haben, von Nutzen sein.

Die theoretische und praktische Bedeutung der Arbeit liegt in der wichtigen Rolle des Nahen Ostens als regionales System in den internationalen Beziehungen. Aus diesem Grund ist es notwendig, der Region mehr Aufmerksamkeit zu schenken.

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Становление и развитие Ближнего Востока как подсистемы международных отношений	7
1.1 Понятие региона и региональных систем в рамках международных отношений.....	7
1.2 Ближний Восток в структуре исторических систем международных отношений.....	14
1.3 Динамика развития Ближнего Востока как подсистемы международных отношений в XX в.....	21
Глава 2 Ближневосточный регион в современной системе международных отношений в XXI в.....	30
2.1 Региональные объединения и модели сотрудничества стран Ближнего Востока.....	30
2.2 Конфликты и очаги напряженности на Ближнем Востоке в меняющейся системе международных отношений.....	38
2.3 Перспективы встраивания стран Ближнего Востока в современную систему международных отношений.....	46
Заключение.....	54
Список использованных источников.....	56

Введение

В последнее десятилетие региональная среда безопасности на Ближнем Востоке (БВ) формировалась под влиянием цикла отсутствия безопасности и нестабильности. Структурные преобразования в регионе БВ привели к появлению многогранных конфликтов, в которые были вовлечены многие местные, региональные и глобальные игроки. Риски и вызовы безопасности, порожденные волной нестабильности и конфликтов, в значительной степени изменили международные отношения в регионе БВ.

Ретроспективный анализ показывает, что события Арабской весны были вызваны требованиями политических преобразований, наблюдавшихся в ряде стран. Более широкие преобразования в международном порядке также значительно ускорили темпы и направление региональной реструктуризации. Трансформация регионального порядка была вызвана волной народных восстаний, получивших название «арабская весна». Хотя обещание демократических преобразований, начатое первой фазой «арабской весны», породило некоторый оптимизм о трансформации режимов, на ее второй фазе региональные преобразования все чаще рассматриваются в пессимистическом ключе. Первоначальные прогнозы относительно демократизации породили смешанные чувства относительно будущего направления региональных преобразований. Однако усилий ни одного субъекта в отдельности не было достаточно для содействия программе политических преобразований, а расхождения в позициях различных международных акторов привели к замедлению процесса политического реформирования. Регион все больше втягивался в цикл насилия, как это наблюдалось в Ливии, Сирии или Ираке, создавая огромное количество проблем безопасности, которые угрожают региональным игрокам, а также приводят к внешним эффектам безопасности для международной системы в целом. Эта новая среда безопасности в конечном итоге изменила региональное и внерегиональное отношение к вопросу политической трансформации, сузив рамки для программы реформ.

Можно проследить накладывающиеся друг на друга процессы реконфигурации государств, региона и динамики региональной безопасности, широкие параметры которых сегодня приобрели определенные очертания. Социально-экономическое давление, различные конфликты и внерегиональное участие подрывали основы регионального порядка, что существенно повлияло на идентичность, границы, баланс сил и расстановку сил в регионе. Затяжные гражданские войны, появление негосударственных субъектов, марионеточные войны и внешние уменьшили видимость нормативного порядка. В то время как многие государства региона борются за сохранение своего суверенитета и территориальной целостности, другие предпочли изменить расстановку своих партнеров. В течение некоторого времени, чтобы подчеркнуть давление на национальные государства и границы, дискуссии велись вокруг будущего порядка региона, который, возможно, заложил основы современной ближневосточной государственной системы в послеосманскую эпоху. По прошествии столетнего юбилея договоренностей по колониальному разделу региона государственные границы оказались устойчивыми, хотя значение и состав предполагаемых национальных государств все еще пересматриваются.

Актуальность темы обусловлена тем, что наиболее радикальное и долгосрочное воздействие структурных преобразований было оказано на динамику региональной безопасности. Поскольку различные заинтересованные стороны оказались не в состоянии стабилизировать регион, международные отношения в регионе БВ еще больше глобализировались. Когда региональные акторы не смогли разработать эффективные инструменты для предотвращения, смягчения или стабилизации политических споров или военных конфликтов, на первый план вышла характеристика региона как подсистемы, подверженной международному проникновению. Действительно, с самого начала кризисы в регионе были интернационализированы. Арабские восстания спровоцировали региональное и глобальное геополитическое соперничество в регионе БВ. Геостратегические структуры, основанные на дихотомии «прозапад против антизапада», были разрушены. Во многом это произошло из-за колебаний администрации США в

решении вопроса о том, на чью сторону встать – протестующих или давних авторитарных союзников США. В любом случае, американская поддержка народных восстаний скорее ободрила, чем сдержала контрреволюционные импульсы в масштабах региона. Участие внерегиональных игроков, в целом, было далеко не конструктивным, что отражает либо плохое состояние международных механизмов разрешения конфликтов, либо столкновение интересов, определяющих международную реакцию. Снижение приверженности международного сообщества и политика сдерживания и относительного разъединения углубили вакуум в управлении региональной безопасностью. Сегодня регион БВСА воспринимается более рискованным, чем в начале «арабской весны», из-за множества дестабилизирующих факторов.

Объектом работы является регион Ближнего Востока.

Предмет исследования – эволюция региональной подсистемы международных отношений на Ближнем Востоке в начале XXI в.

Цель исследования – выявление специфики эволюции региональной подсистемы международных отношений на Ближнем Востоке в начале XXI в.

Для достижения выдвинутой цели предполагается решение следующих задач:

- проанализировать понятие региона и региональных систем в рамках международных отношений;
- изучить роль Ближнего Востока в структуре исторических систем международных отношений;
- рассмотреть динамику развития Ближнего Востока как подсистемы международных отношений в конце XX в.;
- рассмотреть региональные объединения и модели сотрудничества стран Ближнего Востока;
- изучить конфликты и очаги напряженности на Ближнем Востоке в меняющейся системе международных отношений;
- представить перспективы встраивания стран Ближнего Востока в современную систему международных отношений.

Учитывая особенности Ближнего Востока, следует упомянуть, что его геополитическое значение является крайне важным как для непосредственных участников региона, так и для крупных держав, которые стремятся активно влиять на политику внутри Ближнего Востока. Этим объясняется высокий интерес как отечественных, так и зарубежных ученых к этой проблеме. Среди отечественных ученых вопрос региона Ближнего Востока изучали: И. Д. Звягельская, В. В. Ахмадуллин, С. З. Гафуров, И. А. Калиев и др. Среди зарубежных ученых можно отметить: О. Ашура, И. Дэвиса, В. Грисвольда, Т. Х. Огузлу и др.

В ходе работы были использованы такие методы, как: системный и структурно-функциональный анализ, нормативно-ценностный подход, синтез, классификация, описание, единство исторического и логического.

В меняющейся структуре международной безопасности БВ играет все большую роль в контексте пересечения центров мира – Западной и Восточной цивилизаций. Это определяет значимость теоретического анализа текущего состояния региональных отношений и перспектив встраивания стран Ближнего Востока в современную систему международных отношений.

Структура работы: введение, две главы, заключение и список использованных источников.

Глава 1 Становление и развитие Ближнего Востока как подсистемы международных отношений

1.1 Понятие региона и региональных систем в рамках международных отношений

В процессах регионообразования в политическом измерении международные регионы и региональные системы выступают продуктом международных взаимодействий, международно-политическим пространством, в котором разворачиваются указанные региональные взаимодействия и выстраиваются устойчивые связи и полноценные системы взаимодействия на региональном уровне. Эти процессы не менее значимы для развития международных отношений в целом. Во-первых, даже формально взаимодействия между международными акторами, происходящие в пределах территориальных комплексов, даже в пределах устойчивых международных регионов, остаются международными по своему характеру. А поскольку активизация сотрудничества на региональном уровне, с одной стороны, не отрицает для каждого отдельного международного актора существования связей и взаимодействий за пределами регионального пространства, а с другой, – из-за большей относительной важности процессов регионального сплочения, – это измерение отражается на всех других взаимодействиях международного актора, региональные процессы опосредованно влияют на всю систему международных отношений. Во-вторых, участие внерегиональных государств в региональных взаимодействиях превращает эти государства в участников процессов формирования региональных структур взаимодействия во всех международных регионах. В-третьих, консолидация регионального пространства или герметизация процессов в нем непосредственно влияет на баланс сил и распределение ресурсов в мировой системе международных отношений [13, с. 195].

Наконец, в методологическом плане, по отношению к соответствующим международным процессам, которые разворачиваются на региональном уровне

мировой системы и направлены на консолидацию определенного географического пространства, международные регионы и региональные системы выступают как базовые категории и основные элементы анализа. Их роль остается творческой и значимой при анализе региональных процессов в исследованиях места и роли региональных образований, а также в исследованиях природы и динамики процессов построения этих региональных образований, то есть, к исследованию собственно феномена регионализма в международных отношениях.

Фактически путь к определению природы регионализма и его места в ряду других тенденций глобального развития начинается еще с первых попыток концептуализации регионообразования. Изучением процессов формирования регионов первой начала заниматься география, еще со времен, когда мировой общественный ландшафт массово начал меняться с преимущественно сельского, сельскохозяйственного по производственной структуре, в котором проживало большинство населения, на урбанизированный и индустриальный. Если к тому времени изучение региона как общественного явления фактически совпадало с исследованием природной региональной структуры мира, эти изменения в общественной жизни поставили вопрос о принципах и формах организации старых и новых региональных пространств [37, с. 102], появления регионов и региональных систем.

Первые попытки очертить основные параметры регионализма осуществлялись С. Хантингтоном, который отмечал определяющее влияние природных параметров на судьбу мировых регионов, через их осознание и преобразование в повседневной жизни людей [32, с. 41], а также Видалем де ла Бланшем, который отмечал, что определение регионов и региональная организация является материальным проявлением взаимодействия человека и природы. Он фактически считал природу основным фактором, вызывающим регионализацию, и пытался исследовать, каким образом разные природные окружения будут влиять на особенности организации регионального пространства [53, с. 56].

Постепенное расширение круга научных дисциплин, активно использовавших категорию регион или региональный подход в целом, привело к существенному

расширению концепции регионализма и его определяющих факторов. Постепенно акцент в определении сущности регионализма смещался с когнитивного аспекта концепции к онтологическому. Регионализм определялся как постоянный процесс трансформации мирового пространства, а его социальный характер, коррелировавший с природой категории региона в общественных науках, признавался как источник этой трансформации; регионализм рассматривался как сложный процесс конструирования и реконструирования регионов в процессе общественных отношений как внутри регионального пространства, так и за его пределами. Этот процесс конструирования носит перманентный характер, новые пространственные конфигурации взаимодействия между региональными акторами «являются продуктом постоянных переговоров, результатом дифференцированности общественных отношений... неустойчивость, которых определяет временный характер любых форм их организации» [18, с. 73]. Регионализм, таким образом, определяет не только пути и формы пространственной организации этих взаимодействий, но и продолжительность и взаимодействие между собой разных региональных комплексов.

Важный вопрос, возникший в процессе развития концепций регионализма, был связан с соотношением между универсальностью и относительностью самого явления региональной пространственной организации. С одной стороны, регионализм отчетливо проявлял свои общие характеристики, что подталкивало к его определению как универсальной тенденции. Однако в то же время регион, основная категория регионализма, в эмпирических исследованиях демонстрировал чрезвычайное разнообразие и разноплановость. Регионы отличались друг от друга, даже если основой их формирования была одна и та же функциональная детерминанта.

Вместе с тем определение широкого, по сравнению с первоначальными исследованиями, круга факторов, определявших характер регионализма и его природу, позволило добавить к географическим, политическим, экономическим еще и культурные факторы, что, в свою очередь, открыло путь к их интеграции организации регионального пространства и определению регионализма как

многомерного явления, поскольку общность культуры, ее выражение, способствует развитию ощущения общности между субъектами регионообразования. Таким образом, культурная общность позволила обеспечить формирование региональной идентичности, основанной на культуре регионального пространства и закреплённой в качестве признака этого пространства как для его элементов, так и для внешних акторов [56, с. 562].

Даже в регионах, которые определяются только по географическим, политическим или экономическим факторам, сохраняется определенная общая идентичность, выраженная либо в сходстве условий жизни, либо в одинаковой культуре быта и т.п. Таким образом, даже искусственные конструкции регионов опирались на фактор, обеспечивавший им закрепление в общественном сознании. Особенно важным это было для проектов регионализации, которые были инициативами государств и не всегда соответствовали характеру экономических или общественных связей в определенном региональном пространстве. Общий язык или конфессиональная принадлежность выступали важными факторами регионализации даже в тех частях региональных пространств, где другие типы взаимодействия были слабыми.

Однако на современном этапе развития политологической науки существуют определенный консенсус, касательно того, что можно считать регионом. В данном вопросе отличие заключается в подходах и классификациях. Регион – это определенная территория страны или нескольких стран с более или менее однородными природными условиями и характерной направленностью развития производительных сил на основе сочетания комплекса природных ресурсов с соответствующей сложившейся материально-технической, производственной и социальной инфраструктурой, а также своеобразием социально-политических условий [14, с. 71].

Западные ученые хотя и соглашались в отношении основного содержания понятия «регион», однако выделяют различные нюансы определения. В таблице 1 представлены мнения М. Ганнарсона, К. Дойча, Э. Маркаузена, Б. Рассета и А. Д. Воскресенского.

Таблица 1 – Определение «региона» в работах ученых [составлено автором по: 14, с. 72–74]

Ученые	Сущность определения региона	Страна
М. Гуннарсон	Регион – это взаимодействие «акторов» и институтов в рамках данной географической территории.	Швеция
К. Дойч	Регион представляет собой группу стран, которые по многим параметрам больше взаимосвязаны между собой, чем с иными странами	США
Э. Маркузен	В своих исследованиях ученый указывает на взаимосвязь региона, нации и города.	США
Б. Рассет	В своих работах сформулировал определенные положения для уточнения понятия «регион».	США
А. Д. Воскресенский	Политический регион – это привязанная к территориально-экономическому и национально-культурному комплексу (основывающемуся на однородности географических, природных, экономических, социально-исторических, национально- культурных условий, мотивирующих его выделение) региональная совокупность явлений международной жизни, объединенных общей структурой и логикой таким образом, что эта последняя и историко-географические координаты ее существования взаимообусловлены.	Россия

Все авторы сходятся в общей «формуле» определения. Регион является устойчивой системой, с определенным набором характеристик. Американский ученый Б. Рассет добавляет к определению некоторые положения, позволяющие более точно раскрыть содержание понятия «регион» (рисунок 1).

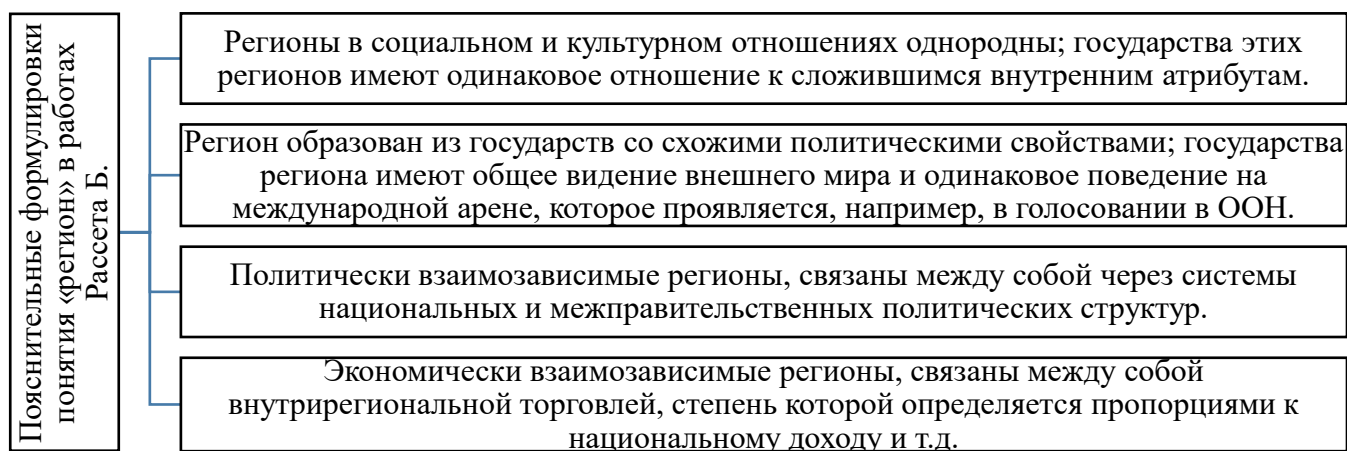

Рисунок 1 – Дополнительные факторы понятия «регион» в работах Б. Рассета [составлено автором по: 11, с. 54]

Вклад Б. Рассета в уточнение понятия «регион» позволяет методологически более нюансно подходить к анализу регионов и региональных отношений. В целом, Б. Рассет и другие ученые сходятся на том, что регион является таковым только в случае наличия ряда схожих параметров у стран.

В политологическом регионоведении понятие «регион» может быть рассмотрено на 3 уровнях (рисунок 2).

Рисунок 2 – Уровни понятия «регион» [13, с. 55]

Основными характеристиками региональной системы являются эколого-географическая, социальная, экономическая и политико-правовая подсистемы, которые объективно могут считаться подсистемами первого уровня системы «регион» (их составляющие соответственно подсистемами уровней далее по иерархии).

В современном мире важными аспектами исследования регионализма стали его соотношение с глобализацией и место региональных систем в глобализированном мире. Глобализация с ее нивелированием значения национальных границ фактически способствовала активизации дискуссий о регионализме, поскольку территориальный в своей основе, но связанный с осознанными факторами консолидации своего пространства, феномен при

глобализации приобретает новую роль в организации национального и транснационального пространств [38, с. 88].

Особенно значимыми такие исследования становятся при изучении таких региональных образований, которые на практике пытаются бросить вызов традиционным государствам в актуализации собственной компетенции не только в государстве, но и в международных системах. Эти изменения в характере взаимоотношений между различными акторами повлияли и на трансформацию природы регионализма [30, с. 145]. Соответственно, предметами исследований регионализма становятся определение особенностей его взаимодействия с другими тенденциями трансформации международных отношений, условий его развертывания и усиления, а также особенностей влияния регионализма на поведение политических и общественных акторов [44, с. 103].

Таким образом, понятие региона и региональных систем в рамках международных отношений появилось относительно недавно. Долгое время регионализм являлась преимущественно географическим подходом. Тем не менее, со временем начали появляться новые региональные акторы, объединенные на основе схожих параметров. Совместились процессы глобализации и реакции на нее – регионализации. Первыми учеными, которые стали рассматривать регионы в рамках международных отношений были С. Хантингтон и Видаль де ла Бланш. Они сходились во мнении, что основным фактором регионализации является природно-географический фактор. В последствии понятие региона было значительно расширено путем включения в определение дополнительных факторов: культурной близости, экономических связей, политической зависимости и др. Регион представляет из себя устойчивую систему взаимоотношений между несколькими странами на основе сочетания комплекса факторов. В концепции Б. Рассета присутствуют уточняющие формулировки, которые позволяют конкретизировать понятие региона. В целом, понятие региона можно рассматривать на трех уровнях – макро-, мезо- и микроуровень. В рамках международных отношений основное внимание сконцентрировано на макроуровне, который рассматривает взаимоотношения между странами и группами стран.

1.2 Ближний Восток в структуре исторических систем международных отношений

Регион БВ относительно недавно стал самостоятельной структурой с собственными внутренними взаимоотношениями. Долгое время регион находился под управлением Великобритании, Франции и Османской империи. Однако после Первой мировой войны произошел ряд геополитических изменений в регионе.

Известный исследователь арабского мира – В. В. Ахмадуллин в ряде своих статей проанализировал как используется термин «Ближний Восток» в работах западных и арабских авторов [1, с. 275]. Говоря о западных авторах, он отмечает, что существуют различные трактовки, однако чаще всего они относят к региону Ближнего Востока страны, расположенные в основном в Юго-Западной Азии и Северо-Восточной Африке, но при этом они отмечают, что часть региона расположена в Европе (территория Турции). Чаще всего приводится следующей список стран, входящих в регион: Турция, Иран, Ирак, Израиль, Иордания, Ливан, Сирия, Саудовская Аравия, Йемен, Южный Йемен, Оман, Договорный Оман (Объединенные Арабские Эмираты), Катар, Кувейт, Бахрейн.

По-другому регион БВ рассматривается у арабских авторов. В первую очередь, не все из них признают термин БВ и относят его обобщению западной политической науки. В основном используется термин «Арабский мир». Однако помимо него используются «Арабский Восток», «Страны Арабского залива», «Плодородный полумесяц». Тем не менее некоторые арабские ученые применяют термин БВ для описания своего региона в контексте отношений между великими державами [1, с. 276]. В. В. Ахмадуллин негативно относится к использованию термина БВ.

Сегодня в политической науке доминирует западная трактовка, в соответствии с которой, в данный регион стали включать части Северной Африки – Тунис, Алжир, Марокко, а также Афганистан и Пакистан. Связано это с тем, что перечисленные страны стали активно участвовать в делах региона.

Однако существуют и противники данной точки зрения. Стоит отметить, что понятие БВ не тождественно понятию «мусульманский мир». Авторы научных работ предлагают рассматривать БВ как географический термин, обозначающий территории от Марокко до Пакистана и Афганистана с включением Турции.

БВ как субъект международных отношений появился относительно недавно. В своем современном состоянии регион образовался в результате соглашений Сайкс-Пико 1916 г., которые разграничили сферы интересов крупных мировых держав в регионе.

В связи с этим, целесообразно провести системно-исторический анализ региона, так как это позволит рассмотреть эволюцию отношений внутри и за пределами региона в их логической и эволюционной последовательности (рисунок 3).

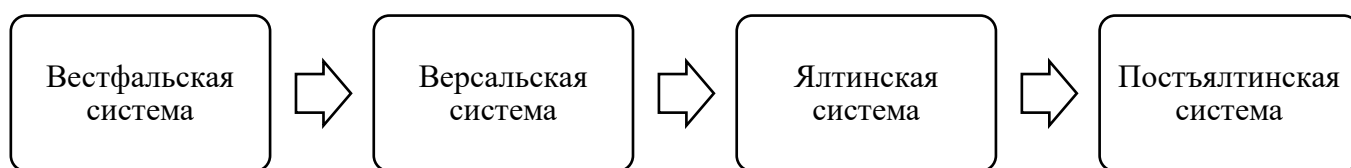

Рисунок 3 – Эволюция систем международных отношений [составлено автором по: 16, с. 28]

Одной из первых международных систем является система, выстроенная Вестфальским миром. Она установила принципы суверенитета, территориальной целостности и невмешательства в дела других государств и помогла положить конец религиозным войнам, которые десятилетиями опустошали Европу. Система была названа в честь города Вестфалия, где были подписаны договоры, положившие конец Тридцатилетней войне.

Однако применение Вестфальских принципов на БВ является спорным вопросом, так как регион обладает рядом особенностей, которые не характерны для европейского региона. Многие государства на Ближнем Востоке были созданы после Первой мировой войны, а границы были проведены европейскими державами

без учета этнических и религиозных разногласий, существовавших на местах. Это привело к обострению ряда конфликтов (Курдский вопрос, проблема статуса Палестины, несоответствие границ этническому и религиозному составу и т. д.).

Кроме того, концепция невмешательства Вестфальской системы никогда не применялась в рамках Ближнего Востока. Крупные державы (Франция, Великобритания, США, СССР и др.) часто проводили экспансионистскую политику в данном регионе, пытаясь увеличить свое влияние [18, с. 55].

Хотя ряд положений Вестфальской системы является фундаментальным для современных международных отношений, будь то невмешательство в дела других стран или непосредственно государственный суверенитет – данные принципы являются бесспорными. В этих условиях, на основе признания международного права действуют сейчас и государства БВ.

Системой, пришедшей на смену Вестфальской, стала система Версальская, установленная рядом договоров и соглашений, последним из которых стал договор, подписанный между Германией, Францией, Италией, Великобританией и США в городе Версале. Его целью была реструктуризация международной системы и поддержание мира в Европе после разрушительной войны. Однако его действие не ограничивалось Европой, Версальский договор оказал значительное влияние на БВ [45, с. 184].

Согласно Версальской мирной системе, одна из крупнейших держав того времени на БВ – Османская империя была распущена, а ее территории были разделены на несколько мандатов, контролируемых западными державами. Франция получила контроль над Сирией и Ливаном, а Великобритания – над Ираком, Палестиной и Трансиорданией. Это разделение было основано, прежде всего, на колониальных интересах, этнические и религиозные стороны вопросы не были учтены.

Навязывание западного контроля над БВ через Версальскую мирную систему привело к нескольким последствиям (рисунок 4).

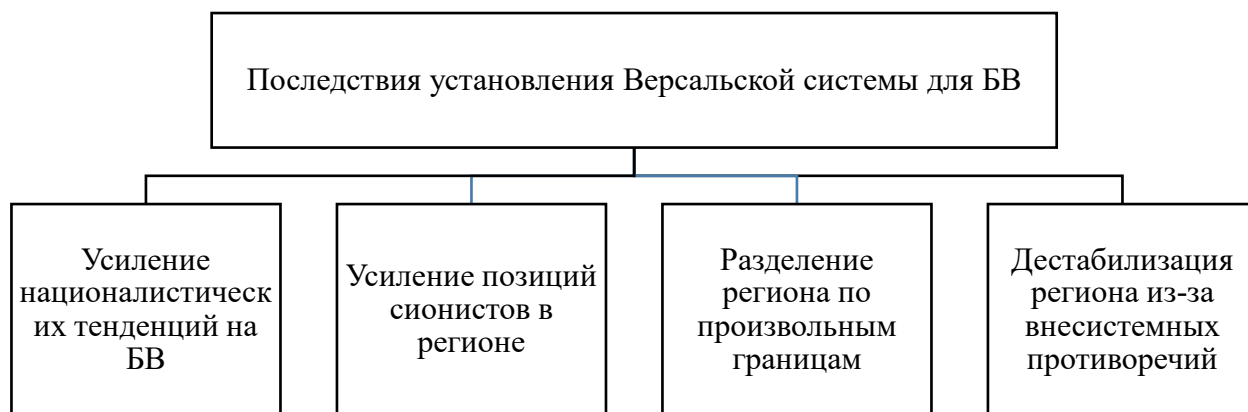

Рисунок 4 – Последствия установления Версальской системы для БВ

[составлено автором по: 16, с. 31]

Во-первых, претворение в жизнь Версальской системы на БВ привело к усилению националистических тенденций в регионе. Кроме самого недовольства населения БВ колониальным управлением, сами метрополии активно поощряли националистические движения.

Во-вторых, Версальская мирная система позволила сионистскому движению закрепиться в Палестине, что в конечном итоге привело к созданию государства Израиль в 1948 г. Декларация Бальфура, обещавшая еврейскому народу родину в Палестине, была принята британским правительством в 1917 г. в рамках протеста против действий Османской Империи. Позднее это обещание было включено в Версальский договор, что придало ему международную легитимность.

В-третьих, произвольные границы, созданные Версальской мирной системой, послужили основой для будущего не продуманного колониального разделения. Деление региона на искусственные государства, не учитывающие этническое и религиозное разнообразие региона, привело к конфликтам и нестабильности. Это проявляется и сегодня во многих государствах БВ и в самом регионе в целом.

В-четвертых, в регион БВ активно стали вмешиваться внесистемные акторы. Помимо уже устоявшихся сил (Великобритании и Франции), которые смогли договориться и прийти к окончательному решению противоречий между собой, в регионе появились качественно новые акторы – СССР и альянс Германии, Италии и

Японии (Ось). Данные стороны стремились дестабилизировать регион с целью дальнейшего расширения своего влияния на него [15, с. 83].

Переформатирование международной системы после Второй мировой войны лишь в слабой степени коснулось БВ: базовые параметры системы остались те же. Границы государств не изменились, за исключением появившегося в 1948 г. Государства Израиль, которое возникло в границах подмандатной Палестины. При этом появление Израиля и арабо-израильские войны определили основной вопрос региональных отношений на ближайшие десятилетия, вплоть до 2003 г.: ближневосточный (арабо-израильский) конфликт признавался основным вопросом международных отношений в регионе [47, с. 71].

Кроме того, бывшие подмандатные территории стремились организовать собственные национальные государства. Однако ввиду ряда противоречий внутри системы и ее неоднородности, процесс шел крайне медленно и не был отмечен значительными успехами. Более того, Соединенные Штаты и Советский Союз стремились использовать эту тенденцию в своих интересах, причем Соединенные Штаты поддерживали прозападные монархии, а Советский Союз – социалистические и коммунистические движения.

Ялтинская система также сыграла свою роль в формировании марионеточных конфликтов холодной войны в регионе, таких как гражданская война в Йемене и советское вторжение в Афганистан.

Другим фактором дестабилизации можно назвать рост влияния радикальных исламистских сил, которые носили надрегиональный/трансрегиональный характер. По существу, этот фактор зародился еще в Версальский период и был связан с общеарабским движением «Братья-мусульмане» (признаны террористическими и запрещены в РФ), сформировавшим с течением времени собственные организации в различных странах региона. Сам характер панисламизма не признавал государственных границ, как и прав религиозных общин; определенные права признавались лишь за «людьми Писания», налагая на них обязанность оплаты джизьи (двойного налога) [18, с. 91].

Ялтинская система продемонстрировала свою несостоятельность в конце 1980-х гг. с распадом Советского Союза и окончанием холодной войны. Соединенные Штаты стали доминирующей мировой державой, и их стратегические интересы на БВ продолжали определять региональную политику. Однако наследие Ялтинской системы, особенно ее акцент на геополитической конкуренции и сферах влияния, продолжает определять ближневосточную политику и в настоящее время.

Распад Советского Союза в 1991 г. ознаменовал окончание холодной войны и начало новой эры в международных отношениях. БВ не стал исключением из этих перемен, и распад СССР оказал глубокое влияние на регион. В период после окончания холодной войны на БВ сформировалась новая система международных отношений, которая характеризовалась новыми участниками, новой динамикой и новыми вызовами.

Одним из наиболее значимых последствий распада СССР для БВ стала утрата советского влияния в регионе. Во время холодной войны Советский Союз был крупным игроком на БВ, поддерживал различные режимы и движения и соперничая с США за влияние. Распад СССР оставил в регионе вакуум власти, который быстро заполнили другие игроки, сверхдержава США, страны регионального уровня – Иран и Турция, и негосударственные игроки, такие как Аль-Каида и ИГИЛ (признаны террористическими и запрещены в РФ).

В период после окончания холодной войны на БВ также возникли новые конфликты и проблемы. В 1990-х гг. в регионе произошел ряд крупных кризисов, включая войну в Персидском заливе, израильско-палестинский конфликт и вторжение Ирака в Кувейт.

Другой ключевой особенностью БВ после окончания холодной войны стал подъем исламистских движений и растущее влияние религии на политику [15, с. 85]. Иранская революция 1979 г. продемонстрировала возможность того, что религия может играть важную роль в политике БВ, но только в 1990-х гг. исламистские движения начали набирать значительные обороты в регионе. Возникновение таких групп, как Хамас, Хезболла и Талибан (запрещены в РФ и признаны террористическими), стало сигналом нового этапа в

ближневосточной политике, характеризующегося слиянием религиозных и политических программ.

Тем не менее, система, выстроенная Ялтинским миром, смогла продержаться еще какое-то время. Однако вторжение США и сил международной коалиции в Ирак показало полную несостоятельность Ялтинской системы в международных отношениях. Последовавшая затем гражданская война вызвала перераспределение населения и политических сил в стране – сформировались три фактически независимые части: курдская, суннитская и шиитская. Это пошатнуло первый принцип границ, зафиксированный еще в 1920-х гг. Вмешательство в сирийский конфликт региональных и надрегиональных (глобальных) игроков привело к стиранию границ Сирии и перераспределению сирийской территории между ними на «зоны влияния».

В настоящее время, ученые высказывают мнение, что новой системы международных отношений на БВ пока не выстроено [12, с. 343]. Из-за ряда потрясений и конфликтов, страны не могут консолидировать усилия и выстроить целостную систему.

Таким образом, БВ представляет собой одну из региональных подсистем международных отношений. Он включает в себя большое количество стран, расположенных в Северной Африке, Юго-западной и Центральной Азии. Арабские авторы, как правило, не используют термин БВ, поскольку сами не выделяют таким образом регион. В арабских научных источниках можно встретить термины «Арабский мир», «Страны Арабского залива» и т. д. В рамках системно-исторического анализа региона можно выделить четыре системы международных отношений, которые постепенно сменяли друг друга. Первой системой является Вестфальская. Принципы Вестфальской системы в меньшей степени применяются на БВ, поскольку в первую очередь была сконцентрирована на внутриевропейских отношениях, однако ряд фундаментальных принципов в последствии был перенят и государствами БВ. Версальская система начала свое существование после окончания Первой мировой войны. Эта система оказала непосредственное влияние на БВ, поскольку, во-первых, распускала Османскую империю, во-вторых,

разделяла БВ на сферы влияния крупных держав. Версальская система значительно изменила баланс сил в регионе. Национальные движения обрели большую мощь, сионисты получили международное признание со стороны великих держав. В то же время регион был разделен по произвольным границам, а в его дела стали вмешиваться новые акторы – СССР и Ось. Ялтинская система в меньшей мере затронула фундаментальные основы Ближневосточного региона. Тем не менее, появление Израиля и гибридные войны между СССР и США привели к росту напряженности в регионе. После распада СССР ялтинская система еще просуществовала определенное время, однако вторжение сил международной коалиции в 2003 г. полностью ликвидировало основы Ялтинской системы.

1.3 Динамика развития Ближнего Востока как подсистемы международных отношений в XX в.

По мере того, как глобальная система международных отношений претерпевала изменения в результате распада биполярной системы, конфигурация региональных подсистем также трансформировалась. Исследователь Х. Реймонд использовал структуралистский анализ, для определения Ближневосточного региона как части отношений «центр-периферия», где БВ представляет собой периферию, а доминирующий Запад – центр [45, с. 212]. Концепция суверенитета по мнению Х. Реймонд должна была связывать нацию и территорию, где она проживает, однако эта связь была нарушена вмешательством колониальных империй, что поставило под вопрос сам принцип суверенитета на БВ.

Подобную особенность можно, с одной стороны, трактовать как отсталость в развитии региона. Однако подобная трактовка не является корректной. Принцип суверенитета является европейским фундаментом, в то время как регион БВ представляет собой самобытную территорию, захваченную колониальными империями, которые приостановили развитие региона.

Подобная характеристика справедлива и для второй половины XX в., и даже для современного периода. Исходя из этого, было бы правильнее считать

ближневосточную подсистему самобытной, а не отсталой. Тот факт, что она более анархична, чем, например, европейская подсистема, объясняется уникальным развитием исторического процесса в этом регионе, который подвергался заметному влиянию внешних акторов.

Хотя ближневосточная региональная подсистема имеет свои специфические особенности, на нее существенно повлияло глобальное биполярное противостояние. Вместо принципа суверенитета, легитимность государств определялась поддержкой со стороны СССР или США. Речь идет в первую очередь о провозглашенном суверенитете. Покровительство одной из сверхдержав повышало легитимность той или иной страны, причем это повышение было обусловлено не только историческими предпосылками, но и идеологическими и геополитическими целями СССР или США.

Советский Союз и Соединенные Штаты оказывали значительное влияние на региональные дела, но это влияние не следует переоценивать. Две сверхдержавы не всегда контролировали регион, что особенно ярко проявилось в серии арабо-израильских войн. СССР и США опасались, что локальный конфликт может перерасти на межрегиональный уровень, и прилагали усилия для его сдерживания и урегулирования.

К концу XX в. геополитическое состояние БВ сильно изменилось. Панарабский национализм вышел на первый план в ближневосточной политике после Второй мировой войны в результате проблем, оставленных колониализмом: политической, социальной и экономической фрагментации арабского общества; скопления слабых национальных правительств, зависящих от внешних сил; постоянно увеличивающейся группы палестинских беженцев; и экспансионистского израильского государства [22, с. 401]. Доминирующие модели сотрудничества и конфликтов сформировались в послевоенный период в результате усилий национальных правительств по решению этих проблем, поскольку они угрожали суверенитету, легитимности и/или возможностям самого государства. Таким образом, арабский национализм спонсировался националистическими режимами, чтобы служить интересам государства. Идеология арабского национализма помогла

мобилизовать арабский народ в общей борьбе против проблем, угрожающих суверенитету государства. Это привело не только к усилению интеграции доминирующих моделей сотрудничества и конфликта, но и к растущей концентрации суверенитета в руках политической элиты во всем регионе, как в ядре, так и на периферии.

Благодаря повышению сплоченности арабских стран – то есть, увеличению степени согласованности действий арабских стран по решению общих проблем – мощь арабских государств была существенно усилена как на региональном, так и на международном уровнях. Согласованные действия арабских стран во время арабо-израильской войны в октябре 1973 г. и арабского нефтяного эмбарго 1973–1974 гг. продемонстрировали влияние кооперации и сотрудничества на региональные и внерегиональные отношения. Во время пика сотрудничества в начале 1970-х гг. арабский мир был способен оказывать значительное влияние на политику внешних акторов [18, с. 104]. Например, в Африке арабская политика преуспела как на двусторонней, так и на многосторонней основе в вопросе вытеснения влияния Израиля и обеспечении поддержки африканцами арабской Палестины. Примерно то же самое произошло и в Азии. Благодаря сплоченности и расширению региональных связей, страны БВ были способны продавливать свою позицию и в развитых странах. Успехи в вопросах арабского экономического бойкота Израиля, нефтяного эмбарго и евро-арабского диалога демонстрировали все большую роль региона в глобальных процессах. С другой стороны, межарабское сотрудничество по арабо-израильскому конфликту способствовало внутрорегиональному сотрудничеству по различным международным вопросам. Такое сотрудничество особенно ярко проявилось в 1971–1974 гг., когда согласованные действия арабских стран привели к разрушению власти транснациональных нефтяных компаний на БВ и трансформации мирового нефтяного рынка [10, с. 81].

1970-е гг. стали важным поворотным моментом в региональной политике, когда движущие силы панарабского национализма ослабли. Падение Насера, Насеризма и авангардной роли Египта среди арабских государств ознаменовало начало этого сдвига. Смерть президента Египта Гамаль Абдель Насера 28.09.1970

лишила панарабский национализм его харизматического ядра, а преемнику Насера, Анвару ас-Садату, не хватило панарабской привлекательности и видения Насера [6, с. 157]. Вместо этого Садат направил Египет на путь одностороннего урегулирования отношений с Израилем после арабо-израильской войны 1973 г., кульминацией которого стали Кэмп-Дэвидские соглашения 1979 г. По сути, авангардная роль Египта как движущей силы арабского национализма угасла.

Действия Садата оказали значительное влияние на весь регион. Поначалу казалось, что в противовес действиям Садата возникнет новая реакционная арабская сплоченность. Однако это оказалось недолговечным. Ослабление Насеризма одновременно отражало и ускоряло упадок панарабских идеологий в течение этого десятилетия. На идеологическом уровне привлекательность панарабизма была, по сути, популистской, в то время как само государство становилось все более авторитарным в тех самых государствах, которые отстаивали арабский национализм – Египте, Сирии и Ираке.

Организация освобождения Палестины (ООП) также была ослаблена внешними и внутренними факторами. Осенью 1970 г. (В арабской литературе именуется «черный сентябрь») Иордания подавила ООП, по сути, изгнав организацию со своей территории [25, с. 110]. Саудовская Аравия и арабские государства Персидского залива, где в составе рабочей силы было большое количество палестинцев, установили жесткий контроль над их политической деятельностью. Сирия также значительно ограничила свободу действий многочисленного беженского населения. Кроме того, ООП была ослаблена внутренними разногласиями по вопросам стратегии и целей; внешним вмешательством некоторых арабских государств в ее внутренние дела; гражданской войной в Ливане (1975–1990 гг.); серьезными конфликтами с Сирией (1976–1977 гг.), Египтом (1975–1982 гг.) и Ираком (1978 г.) [15, с. 86].

Эти тенденции представляли собой проявления противоречивых тем панарабского национализма и национализма национальных государств в региональной политике. В первой четверти века доминировала тема панарабского национализма, во второй четверти – тема национального государства. В третьей

четверти тема национального государства нисколько не утихла, но панарабский голос вновь возвысился над ней. Наконец, в последней четверти века соотношение между этими темами снова изменилось на противоположное, значительно увеличилось количество конфликтов (таблица 2).

Таблица 2 – Региональные конфликты на БВ в конце XX в. [23]

Конфликты	Период, гг.	Результаты
Ливанская гражданская война	1975–1990	В результате гражданской войны в Ливане правохристианские силы страны потерпели поражение, а влияние мусульман усилилось. Израиль, поддержавший ранее Государство Свободного Ливана, оккупировал территорию южного Ливана и держал под своим контролем до 2000 г.
Магрибско-сахарская война	1976–1988	Конфликт разразился на фоне ухода испанской колониальной экспансии между бывшими колониями. Фронт ПОЛИСАРИО и Марокко воевали за территориальные претязания. В результате 80 % территории Западной Сахары принадлежит Марокко, а оставшиеся 20 % Фронту ПОЛИСАРИО.
Ливийско-чадская война	1973, 1981, 1982–1987	Война проводилась за контроль над приграничными территориями, принадлежавших Чаду. Ливийская армия вторглась в Чад и потерпела поражение. В результате войны вопрос о принадлежности территорий был передан в Международный Суд ООН, который передал территории Чаду.
Суданские гражданские войны	1955–1972, 1983–по настоящее время	Ряд конфликтов, между арабским и неарабским населением Судана, которые вылились в образование Южного Судана и ряд конфликтов, на территориях обеих стран.
Войны иракских курдов	1961–1969, 1973–1975, 1982–по настоящее время	В результате ряда восстаний иракских курдов были созданы органы курдского самоуправления в Ираке.
Ирако-иранская война	1980–1988	В результате ирако-иранской войны был закреплён статус-кво, так как ни одна сторона не смогла продемонстрировать свое преимущественно.

Особо следует отметить, Кэмп-Дэвидское соглашение 1979 г. и ирако-иранская война 1980–1988 гг., которые значительно усилили силы политической фрагментации [38, с. 184]. Идентификация египетской позиции с американо-израильской позицией, проявившаяся в Кэмп-Дэвидском соглашении, стала результатом процесса идеологической переориентации, начатого президентом

Анваром Садатом вскоре после смерти Насера. Кульминацией этого процесса стало подписание отдельного мирного соглашения с Израилем, продавливаемым Соединенными Штатами, – Кэмп-Дэвидского соглашения. Приняв логику Кэмп-Дэвидского договора, Египет фактически присоединился к американским политическим и стратегическим партнерам на БВ, о чем свидетельствует поддержка Каиром американской политики в регионе на постнационалистическом этапе. Вопреки общепринятому анализу, Кэмп-Дэвидское соглашение неизбежно привело к подчинению роли Египта в регионе двум приоритетам Вашингтона: доминирующей роли Израиля в регионе и американскому доступу к ресурсам и стратегическим объектам региона. Преемник Садата, Хосни Мубарак, попытался примирить политический порядок, навязанный региону Кэмп-Дэвидским соглашением, с попыткой вернуть Египту ведущую роль в арабском мире [38, с. 186].

Иракско-иранская война привела сверхдержавы непосредственно в регион и, по сути, превратила Персидский залив в американскую военную зону [25, с. 111]. К концу войны политическая идентичность региона прочно укоренилась в узких собственных интересах национальных государств. Межрегиональные отношения, продиктованные стратегическими интересами государства, определялись в контексте зависимости от внерегиональных держав. Внешние державы были заинтересованы в усилении региональных конфликтов, а не в их смягчении, как по прагматическим причинам (например, увеличение продаж оружия), так и по идеологическим (например, усиление зависимости от внешней политической поддержки). К концу ирако-иранской войны 1988 г. политическое ядро БВ перестало оказывать определяющее влияние на политические события в регионе. Напротив, более значимым стало взаимодействие акторов в регионе с вторгающимися державами. В этом контексте региональная динамика ближневосточной политики определялась скорее моделями конфликта, чем моделями сотрудничества.

К концу XX в. модели сотрудничества и конфликта в ближневосточной политике формируются вокруг двух независимых (и взаимосвязанных) тем:

характер отношений между ближневосточными правительствами и США; и характер отношений ближневосточных правительств с политически активными силами в исламском движении. По первому направлению можно выделить три группы ближневосточных государств (рисунок 5).

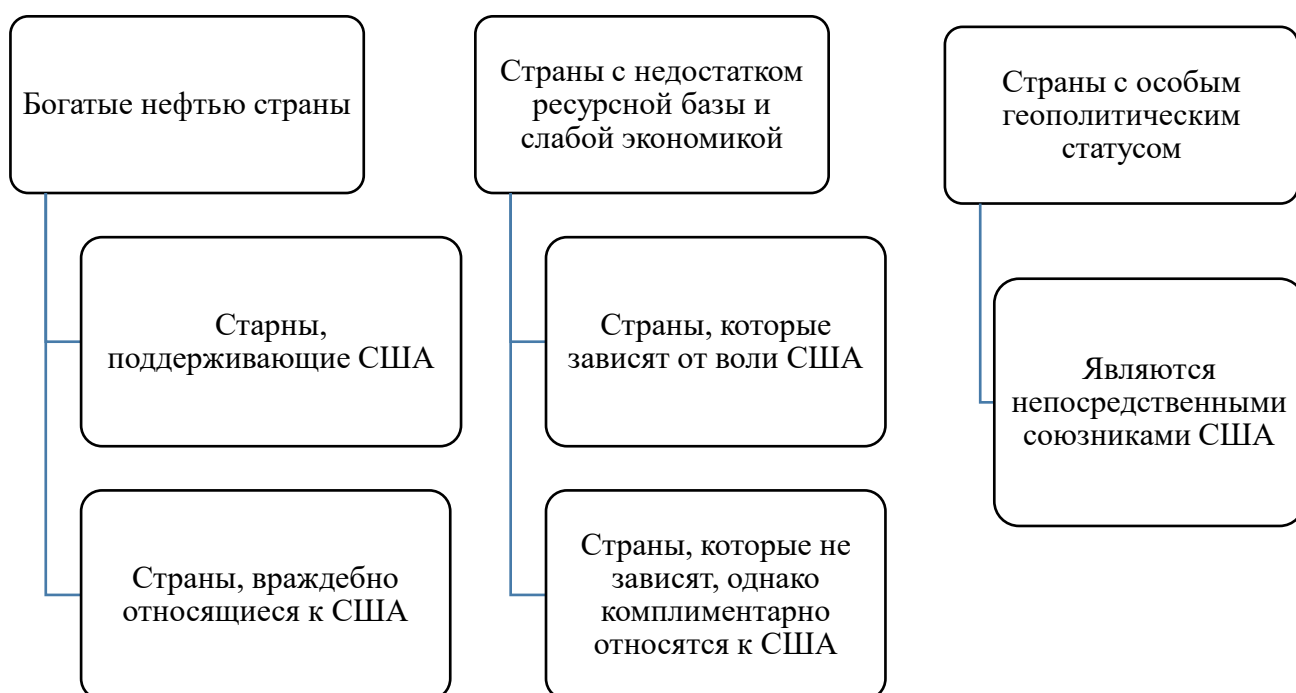

Рисунок 5 – Категории стран БВ, выделенные по характеру отношений с США
[составлено автором по: 46]

Первая группа стран представляет собой богатых на нефтяные месторождения государства. Она делится на две подкатегории. Первая – страны, которые поддерживают США. Эта категория представляет собой сплоченную подгруппу в Совете сотрудничества стран Персидского залива (ССПЗ), организованном в 1981 г. (в него входят Саудовская Аравия, Кувейт, Катар, Оман, ОАЭ, Бахрейн), который функционирует как субрегиональный альянс, фактически координирующий их региональные и международные модели взаимодействия.

Во вторую подкатеорию входят страны, которые относятся к США враждебно: Иран, Ирак и Ливия. США фактически изолировали эти государства и маргинализировала их роль в региональной политике [26, с. 82].

В качестве второй группы выделяются страны со слабо развитой экономикой. Во многом они зависят от воли США в вопросах своего экономического и/или политического выживания: Иордания, Египет и Йемен. Также есть группа стран, которая не зависит от США, однако согласуют свою внешнюю политику с их интересами: Марокко, Тунис, Алжир, Судан; вместе с Ливией и Мавританией они образуют субрегиональный альянс Союз арабского Магриба (САМ), созданный в 1989 г. для координации их региональных и международных моделей взаимодействия, но в значительной степени не функционирующий.

В третью группу стран относят государства с особым геополитическим статусом. Это Турция и Израиль. В 1996 г. они создали военный союз и фактически представляют собой единственный силовой блок в регионе; в контексте своих особых отношений с США Израиль и Турция могут отстаивать свои собственные национальные интересы в регионе.

По вопросу характера отношений ближневосточных правительств с политически активными силами в исламском движении, модели или тенденции нелегко выявить, учитывая теневой характер исламского движения. Понятие «движение», подразумевает более скоординированные действия, чем существуют на самом деле. В действительности, исламское движение состоит из большого количества разнообразных групп, которые различаются по масштабу и характеру (место деятельности, секта, к которой они принадлежат, организационный характер и социально-политические склонности). Будучи неправительственными добровольными объединениями, они составляют важный сегмент гражданского общества. Однако многие исламские группы являются подпольными или квазигосударственными, либо потому что они поддерживают политические действия, либо потому что они официально подавляются правительством. Участие исламских групп в общественно-политической сфере активно подавляется в Алжире, Египте, Тунисе, Бахрейне, Кувейте, ОАЭ, Саудовской Аравии, Турции и Сирии. В большинстве других стран региона они подавляются пассивно. Только в Иордании, Ливане и Йемене предпринимаются усилия по обеспечению их участия в общественно-политической жизни страны [8, с. 136].

В этом контексте любое межнациональное или региональное взаимодействие в рамках исламского движения, скорее всего, будет носить неофициальный характер. Однако независимо от того, официально движение или нет, оно представляет собой идеологический вызов устоявшимся структурам власти в регионе; и страх перед ним вызвал ответную реакцию как на региональном, так и на национальном уровне.

Таким образом, изучая динамику развития БВ как подсистемы международных отношений в XX в., можно отметить, что отношения в рамках глобальной системы носят характер «центр-периферия», где БВ представляет собой периферию, а Запад – центр. Несмотря на ряд проблем методологического подхода, в котором Европейский фундамент международных отношений экстраполируется на БВ, можно констатировать, что для данного региона также характерны понятия суверенитета, легитимности и многие другие, однако они, в первую очередь, имеют самобытный характер. В различные периоды XX в. в регионе доминировали идеи панарабского национализма, который поддерживался внешними акторами. В целом, в данный период формируется ядро будущих арабских государств региона. В данный временной промежуток страны БВ активно влияют на глобальную систему путем нефтяных эмбарго, а также ряда войн с Израилем, что вызывало беспокойство у США и СССР. Однако в результате ослабления идей панарабизма в 1970-х гг., регион опять начал демонстрировать неоднородность, которая приводила к множеству конфликтов. В результате подобного фактора нестабильности в регионе основательно закрепились США, которые навязывали свою политическую волю странам БВ. В целом, в регионе существуют как страны, положительно относящиеся к США, так и отрицательно, однако вторая группа значительно меньше и, кроме того, усилиями США представляет собой маргинальную группу. Отдельно следует выделить страны с особым геополитическим статусом – Израиль и Турция. Они являются прямыми союзниками США и способны проводить собственную политику в регионе, не учитывая интересы других стран.

Глава 2 Ближневосточный регион в современной системе международных отношений в XXI в.

2.1 Региональные объединения и модели сотрудничества стран Ближнего Востока

Модели сотрудничества государств ближневосточного региона, можно определить, как «формы» межгосударственного взаимодействия, при этом разделяя их на сотрудничество, основанное на международных и/или региональных соглашениях, и с привлечением и использованием потенциала международных и/или региональных организаций.

Существуют различные факторы, которые играют основную роль в формировании моделей межгосударственного взаимодействия на современном БВ. Наиболее значимым среди них является религиозный фактор, обусловленный преобладанием в большинстве государств ислама [6, с. 155]. Однако данная религия не является однородной, в ней выделяется большое количество разнообразных течений. Конфликт между шиитской и суннитской частью БВ, которые не являются полностью едиными, превратился из религиозного спора в межгосударственное соперничество, главными соперниками которого в последние десятилетия стали Иран и Саудовская Аравия. Эти две страны используют существующие религиозные разногласия внутри ислама для реализации своих национальных интересов, придавая им политический оттенок [5, с. 78]. Эр-Рияд стремится укрепить доминирование мусульман-суннитов в регионе и сохранить свою власть в большинстве стран БВ. Тегеран, напротив, стремится укрепить позиции шиитской фракции или изменить сложившийся баланс сил в регионе. Эта борьба стала одной из самых острых региональных проблем на БВ.

Помимо религиозного фактора, борьба за влияние и формирование союзов также играют решающую роль в формировании силовых блоков на БВ. В настоящее время исследователи региона выделяют три государства, претендующие на роль регионального лидера, а именно Иран, Турцию и Саудовскую Аравию. Наряду с

этими региональными игроками, на БВ действует несколько внешних держав, включая Францию, Германию, Великобританию, Россию, Китай и США. Эти страны имеют различные интересы и проводят различную политику в регионе, часто с несовпадающими или даже противоположными подходами к решению таких вопросов, как сирийский конфликт, иранская ядерная программа и ситуация в Ираке. Пересекающиеся интересы региональных держав в сочетании с конкурирующими повестками дня внешних акторов играют важную роль в формировании моделей межгосударственного сотрудничества на БВ.

Присутствие и действия негосударственных акторов в регионе, в первую очередь террористических групп, таких как Талибан, Аль-Каида и Исламское государство (все запрещены в РФ и признаны террористическими), а также таких организаций, как Фатх, Хамас и Хезболла, также являются критическими факторами, определяющими динамику власти на БВ [22, с. 401]. Эта ситуация создает парадокс, так как некоторые страны БВ могут рассматривать определенные группы как террористические, финансируя при этом другие. Такая поддержка может привести к политической изоляции страны в регионе или к ответной реакции со стороны нескольких государств, как это произошло с Катаром, когда выяснилось, что страна оказывала финансовую помощь группам, связанным с Ираном.

Эти факторы вместе с историческими и культурными особенностями ближневосточных государств и определяют принципы формирования моделей взаимодействия между ними.

В современных условиях, модели сотрудничества на БВ основываются на 3 факторах (рисунок 6). Тем не менее, различные объединения не являются исключительно однонаправленным объединением, каждый из союзов преследует множественные цели. Первая попытка регионализма на арабском БВ была представлена основанием Лиги арабских государств (ЛАГ) в 1945 г. ЛАГ была создана на волне движений «панарабизма», идеологического и политического проекта объединения всех арабских народов под крышей единой арабской нации [44, с. 74].

Рисунок 6 – Виды интеграции на БВ [составлено автором по: 47, с. 201]

Несмотря на это сильное стремление к «арабскому единству», с конца 1960-х гг. произошло обратное: суверенитеты государств были консолидированы и кристаллизованы в рамках межгосударственного порядка, что, в свою очередь, препятствовало консолидации наднациональных организаций. Действительно, арабские государства создали слабые региональные институты, которые не затрагивали суверенитет. Это очень заметно в процессе принятия решений: ЛАГ функционирует как межправительственная переговорная структура, а не как наднациональная организация. Например, среди целей ЛАГ наиболее важной было создание Арабского общего рынка, однако реализовано данная цель не была.

Структурные различия между странами-участницами усугубляют сложность содействия региональной интеграции. Во-первых, различные типы режимов (консервативные монархии, модернистские республики и полудемократии), как правило, разрабатывают различные политические программы. Во-вторых, значительное неравенство в благосостоянии, особенно между богатыми государствами с низкой плотностью населения (например, Катар с ВВП на душу населения 92 5014 долл. США и населением 1,918 млн чел. [34]) и бедными государствами с высокой плотностью населения (например, Йемен с ВВП на душу населения 1 3616 долл. США и населением 24,527 млн чел. [29]), также

препятствует арабской интеграции. Внешнее влияние и международные союзы также оказывают усугубляющее воздействие на внутрирегиональные разногласия.

Другой организацией, основанной с целью поддержания региональной безопасности является Совет сотрудничества стран Залива (ССАГЗ). Согласно уставу, ССАГЗ способствует «координации, интеграции и сотрудничеству между государствами-членами во всех областях» [27].

ССАГЗ является примером субрегионального сотрудничества, которое достигло определенного уровня успеха, по сравнению с другими региональными организациями на БВ. Органы ССАГЗ в общих чертах вдохновлены европейским регионализмом. Они включают в себя:

- Верховный совет, который объединяет шесть глав государств раз в год для определения принципов политики ССАГЗ и действует как Комиссия по урегулированию споров;

- Совет министров, который состоит из министров иностранных дел государств-членов и собирается каждые три месяца;

- Генеральный секретариат, который является постоянным органом, расположенным в Эр-Рияде и осуществляющим контроль и поддержку реализации политики ССАГЗ.

В отличие от арабского БВ в целом, субрегиональная сущность ССАГЗ характеризуется значительной однородностью. На нефтегазовый сектор приходится в среднем 44 % ВВП и примерно 81–89 % государственных доходов, за исключением Объединенных Арабских Эмиратов [50]. Все они характеризуются схожим типом режима (абсолютные или конституционные монархии) и общими проблемами безопасности. Действительно, члены ССАГЗ имеют общее восприятие внешних угроз: например, Иран после исламской революции 1979 г. и Ирак как исторический региональный соперник. Кроме того, поскольку члены ССАГЗ имеют общее представление о внутренней безопасности, вероятность войны между ССАГЗ сводится к минимуму. С этой точки зрения, страны-члены ССАГЗ стремятся создать свои силы обороны в соответствии с общей идеей: единые оперативные процедуры, обучение и военные учебные программы. Кроме того, в отличие от регионального

панарабского пространства, ССАГЗ управляется субрегиональной гегемонистской державой – Саудовской Аравией. Государства-члены имеют общие характеристики и взгляды на мировые проблемы, что очень четко проявляется в структуре голосования в ООН [15, с. 88]. Наконец, ССАГЗ способствует трудовой мобильности своих граждан. Например, они могут путешествовать из одного государства в другое в пределах региона Персидского залива по своим национальным удостоверениям личности, а не по паспортам.

Существуют некоторые факторы, которые все еще сдерживают ССАГЗ от достижения интеграции: во-первых, все государства ССАГЗ, кроме Саудовской Аравии, испытывают недостаток человеческих ресурсов и сильно зависят от экспорта нефти [11, с. 197]. Нефтяная зависимость – это одновременно и фактор силы, и фактор слабости. Действительно, любая угроза безопасности, способная поставить под угрозу маршруты поставки нефти, скорее всего, сильно повлияет на экономическую устойчивость ССАГЗ. Во-вторых, безопасность всех арабских государств ССАГЗ сильно зависит от США как внешнего поставщика безопасности. В-третьих, между некоторыми странами ССАГЗ существуют пограничные споры, например, между Катаром и Бахрейном по поводу Гаварских островов, которые были рассмотрены Международным судом, а не ССАГЗ. В рамках моделей интеграции БВ ССАГЗ является наиболее успешной организацией на БВ.

Соглашение о создании Союза арабского Магриба (САМ) было подписано в феврале 1989 г. в Марракеше между Алжиром, Ливией, Мавританией, Марокко и Тунисом. Его целью было создание парламента, банка, университета и суда стран Магриба. Договор наделяет правом принятия решений президентский совет, который первоначально должен был собираться каждые шесть месяцев и принимать решения на основе консенсуса. Целью договора было создание зеркального отражения модели Европейского союза, и он был направлен на аналогичную экономическую интеграцию с точки зрения общего рынка и валюты, а также на развитие широкого политического сотрудничества. Например, в 1994 г. страны-

члены САМ договорились о создании региональной зоны свободной торговли [3, с. 270].

Несмотря на многочисленные риторические и дипломатические усилия, САМ остается одной из наименее успешных попыток регионализма. Действительно, хотя изначально он разрабатывался как основа для урегулирования конфликта в Западной Сахаре между Алжиром и Марокко, эти две страны не смогли положить конец своим враждебным отношениям, которые восходят к Песчаной войне 1963 г.

Более того, на момент его создания внутренняя торговля между странами-членами САМ достигала лишь 3 % от всего объема торговли региона, и этот показатель оставался неизменным в течение десяти лет [33]. В 1993 г., когда Европейское сообщество стало Европейским Союзом, важность торговли ЕС для отдельных государств убедила Марокко, Тунис, а затем и Алжир подписать двусторонние торговые соглашения с ЕС.

Создание арабской зоны свободной торговли (*GAFTA*) последовало за принятием в 1981 г. Экономическим и социальным советом Лиги арабских государств соглашения о содействии и развитии межарабской торговли. Первоначально она была основана четырнадцатью странами, а в настоящее время в нее входят семнадцать стран, которые договорились о постепенном устранении торговых барьеров. Вступив в силу с 01.01.1998, *GAFTA* достигла полной либерализации торговли товарами путем полного освобождения от таможенных пошлин и сборов. Внутренняя торговля между членами составляет 96 % всей внутриарабской торговли [33]. С этой точки зрения, *GAFTA* могла бы стать действительно эффективным соглашением, способным обеспечить региональное сотрудничество. Однако существенное отсутствие реального, точного и выполнимого плана реализации ограничило результаты. Более того, на улучшение торговых обменов влияет отсутствие экономической взаимодополняемости.

Агадирское соглашение 2004 г. о создании зоны свободной торговли между арабскими странами Средиземноморья, вступившее в силу в 2007 г., направлено на создание зоны свободной торговли между Египтом, Иорданией, Марокко и Тунисом. Оно рассматривалась как возможный первый шаг в создании евро-

средиземноморской зоны свободной торговли, предусмотренной Барселонским процессом, целью которого было превращение Средиземноморского бассейна в зону диалога и свободного обмена. Оно также открыта для дальнейшего членства всех арабских государств, которые являются членами Лиги арабских государств и *GAFTA*. Оно использует евро-средиземноморские правила происхождения товаров, которые позволяют диагональное накопление происхождения среди стран-членов [55]. Кроме того, ЕС позволяет своим средиземноморским партнерам по свободной торговле аккумулировать добавленную стоимость. Другими словами, он не обращает внимания на то, где была добавлена стоимость, если она была произведена в стране-партнере по соглашению о свободной торговле (и наоборот, Соединенные Штаты оценивают добавленную стоимость только внутри страны, экспортирующей продукцию в США).

Данный проект все еще находится в стадии дополнения. На реализацию Агадирского соглашения ЕС выделяет ежегодно 4 млн евро [7, с. 355]. Примечательно, что соглашение открыто для всех арабских стран, имеющих торговые отношения с ЕС, с целью содействия процессу интеграции ЕС и Средиземноморья. Поэтому, хотя ожидаемые результаты не были достигнуты в полной мере, оно остается важнейшей институциональной основой региональной интеграции.

Другой областью межгосударственных взаимодействий на БВ можно считать энергетику. Углеводороды являются крупнейшим экспортным товаром региона и его валютным ресурсом, поэтому энергоресурсы являются важным фактором социально-экономического развития.

Главный механизм взаимодействия в этой сфере остается организация стран-экспортеров нефти (ОПЕК). Организация была основана в 1960 г. в Багдаде и включает 13 стран, среди которых пять ближневосточных государств – Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Ирак, Иран и Кувейт (Катар покинул данную организацию в 2019 г. в связи с дипломатическим кризисом разгоревшемся между Дохой с одной стороны и Саудовской Аравией, Египтом, Бахрейном, ОАЕ и ещё рядом государств с другой) [6, с. 158]. Главной функцией организации является

установление правильной цены, по мнению, стран-участниц организации, за счет регулирования нефтедобычи.

Связь между энергетической промышленностью и безопасностью на БВ остается одной из наиболее актуальных, особенно в условиях в продолжающихся спорах о контроле над доходами от продажи нефти в курдском регионе Ирака, а также в связи с возвращением Ирана к глобальному экспорту нефти. Недавние усилия Соединенных Штатов по урегулированию арабо-израильского конфликта повлияли на энергетическую деятельность Израиля. Это было продемонстрировано в октябре 2020 г., когда израильская компания *Europe Asia Pipeline Company (EAPC)* и компания *MED-RED Land Bridge Ltd (MRLB)* из Объединенных Арабских Эмиратов подписали меморандум о взаимопонимании. Согласно этому соглашению, две компании будут совместно работать над хранением и транспортировкой нефти и сопутствующих продуктов через трубопроводную сеть «Европа-Азия» и ее резервуары, транспортируя их с ближневосточных рынков на Запад и из Средиземноморья на Дальний Восток [47, с. 341].

Таким образом, модели сотрудничества БВ представляют собой тесные связи государств региона на основе общих характеристик. В рамках Ближнего Востока государства реализуют сотрудничество на основе религиозной близости, желания завоевать влияние в регионе, а также на основе отношения к негосударственным акторам. В целом, сложно выделить конкретные категории объединений на БВ, так как часто союзы государств объединяют в себе и политические, и экономические модели сотрудничества. Одним из первых проявлений региональной кооперации можно выделить основание ЛАГ, которая стремилась повысить уровень арабского единства, однако из-за ряда проблем и противоречий, данная организация не преуспевает в этом. Другой организацией, поддерживающей региональную безопасность, является ССАГЗ. По большей части он объединяет страны вокруг лидера – Саудовской Аравии. Однако из-за ряда проблем данную организацию нельзя назвать полностью успешной. Одним из основных экономических объединений выступает *GAFTA*, которая снижает торговые барьеры и укрепляет многостороннюю торговлю. ОПЕК, в свою очередь, представлена 13 странами, 5 из

которых находятся на БВ. Основная цель ОПЕК – поддержание справедливых цен, по мнению участников, на нефть.

2.2 Конфликты и очаги напряженности на Ближнем Востоке в меняющейся системе международных отношений

В 2023 г. на БВ было семь стран с активными вооруженными конфликтами: Египет (субнациональный вооруженный конфликт высокой интенсивности), Ирак (интернациональная гражданская война), Израиль (вооруженный конфликт низкой интенсивности, внесударственный вооруженный конфликт), Ливия (интернациональная гражданская война), Сирия (крупная интернациональная гражданская война), Турция (вооруженный конфликт низкой интенсивности, внесударственный и субнациональный вооруженный конфликт) и Йемен (крупная интернациональная гражданская война).

Многие из этих конфликтов, в результате которых погибли сотни тысяч людей, а миллионы других людей бежали, были взаимосвязаны и включали в себя региональные и международные державы, а также многочисленные негосударственные субъекты.

Рассмотрим очаги напряженности внутри БВ в меняющейся системе МО (рисунок 7).

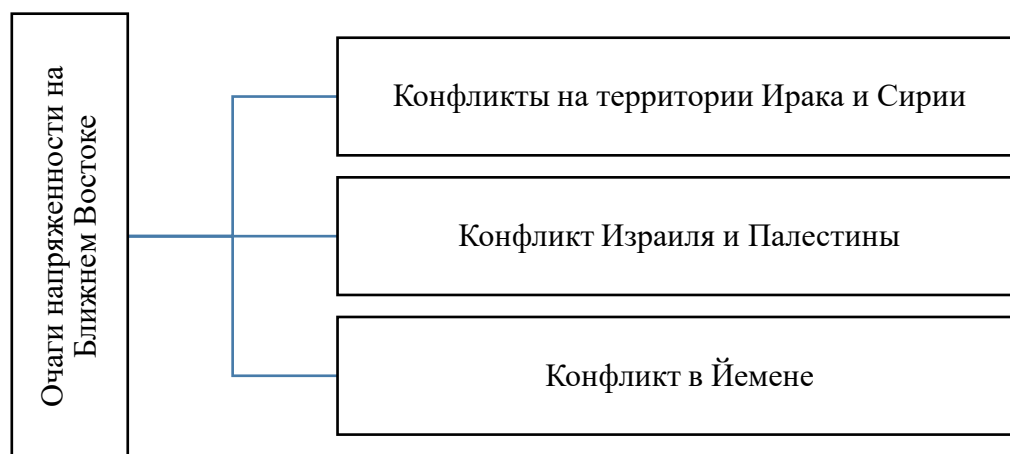

Рисунок 7 – Очаги напряженности на БВ [составлено автором по: 23]

Последние десятилетия Ирак страдал от постоянных военных конфликтов на своей территории. Но после территориального поражения «Исламского государства» (организация запрещена в РФ) в декабре 2017 г. в Ираке, казалось, наступил период относительной стабильности [42, с. 58]. Тем не менее, до сих пор сохраняется напряженность на религиозной почве, повстанческая деятельность «Исламского государства» (запрещена и признана террористической на территории РФ) на низком уровне в отдаленных северных районах страны и огромные проблемы послевоенного восстановления, примирения и управления [42, с. 59].

Несмотря на усилия иракского правительства по укреплению собственных вооруженных сил, прогресс достаточно медленный. Кроме того, Турция регулярно проводит военные операции против Рабочей партии Курдистана на севере Ирака. ЕС также предоставляет консультации по реформе гражданского сектора безопасности. Хотя число погибших в результате боевых действий в последние годы сократилось, оно остается на уровне конфликта высокой интенсивности, при этом более 1,4 млн чел. стали внутренне перемещенными лицами, а 6,7 млн чел. нуждаются в гуманитарной помощи [50].

Администрация США потребовала от Ирака распустить несколько шиитских ополчений, имеющих тесные связи с Ираном, в связи с их участием в ракетных обстрелах американских военных и объектов в стране. Тем не менее, иракское правительство старается сохранять нейтралитет в противостоянии Ирана и США, несмотря на заметную роль Ирана в ключевых иракских институтах. В декабре 2020 г. конфликт между Ираном и США в Ираке обострился: США нанесли авиаудары по базе ополченцев, поддерживаемых Ираном, в ответ на нападение на американские силы. Это привело к нападению на посольство США в Багдаде со стороны некоторых членов ополчения и их сторонников.

В конце 2020 г. также наблюдались антиправительственные демонстрации, которые требовали отставки правительства. Однако стороны не смогли прийти к определенному решению. Демонстрации возобновились в период парламентских выборов с 2021 по 2022 гг., когда члены Совета представителей Ирака, собравшиеся в здании парламента, начали рассматривать законопроекты, однако они не смогли

сформировать стабильное коалиционное правительство или избрать нового президента. Основные государственные (гражданские и военные) службы продолжали работать, но национальная политическая система оказалась в тупике, в том числе в отношении почти всех основных вопросов расходов и налогообложения. 27.10.2022 Совет представителей утвердил правительство премьер-министра Мухаммеда Ши' Аль Судани [28].

Особое внимание исследователей сосредоточено на сирийском конфликте, поскольку с 2011 г. политическая власть в Сирии оспаривается в ходе многостороннего вооруженного конфликта, который, хотя изначально и был вызван «арабской весной», перерос в сложную войну с участием региональных и международных держав. С 2018 г. наблюдается явная деэскалация войны в связи с укреплением сирийским правительством территориального контроля и окончательным территориальным поражением террористов в марте 2019 г. [26, с. 80].

К концу 2019 г. правительство президента Б. Асада контролировало около 70 % территории страны, а вооруженная оппозиция сосредоточилась в двух районах: провинции Идлиб на северо-западе и северо-востоке, частично контролируемом курдами [22, с. 401]. Вооруженный конфликт продолжал привлекать сложный и меняющийся состав участников, включая региональные и мировые державы: Россия, Турция и США на территории северо-востоке и северо-запада, где гражданская война получила новое направление в результате затянувшегося и неясного вывода американских войск и последующих новых трансграничных военных операций Турции.

С 2015 г. на территории страны действуют повстанческие Сирийские демократические силы (СДС), которые несмотря на то, что напрямую не подчиняются Дамаску, поддерживают порядок на севере страны. В 2019 г., было подписано соглашение между СДС и сирийской армией Башара Асада, с целью обороны северных рубежей страны от турецкого вторжения. Кроме того, СДС активно противостоят возрождению ИГИЛ (запрещена в РФ) на севере страны [12, с. 344].

В 2023 г. Турция поддерживала вооруженные формирования на севере Сирии с целью дестабилизации региона, однако СДС заявили, что будут всячески противостоять турецкой угрозы, и призвали к сотрудничеству официальную армию Сирии.

Значительное влияние на политическую ситуацию в регионе оказывает противостояние Израиля и соседних мусульманских государств. История оккупации Израилем сектора Газа, Голанских высот и Западного берега – территорий, захваченных им в ходе арабо-израильской войны 1967 г., – обширна и сложна. В 2021 г. израильско-палестинский конфликт вновь оказался в центре международного внимания, когда продолжающиеся гражданские беспорядки и вооруженный конфликт между Израилем и ХАМАС и другими палестинскими организациями в Газе поднялись до самого высокого уровня со времен Газа-израильской войны 2014 г. [10, с. 184].

В 2023 г. произошла очередная эскалация конфликта. 07.04.2023 Израиль провел военно-воздушную операцию против палестинских боевиков. Конфликт произошел на почве религиозного конфликта вокруг мечети Аль-Акса на Храмовой горе. Палестина провела ряд ракетных обстрелов низкой интенсивности в ответ на действия Израиля. Благодаря усилиям международного сообщества конфликт был быстро урегулирован.

В то время как конфликт между Израилем и Палестиной продолжал усиливаться, начиная с 2018 г. израильские поселенцы переселялись в районы Западного берега и сектора Газа, где проживает большинство палестинцев. Некоторых привлекало дешевое субсидированное жилье; другие стекались на Западный берег из-за религиозного значения данной территории. Переселение жителей Израиля на эти территории привело к дополнительной напряженности между Израилем и арабским миром в целом [10, с. 227].

Следует отметить, что на протяжении всего конфликта обе стороны пытались выступить посредниками в достижении мира в том качестве, в котором они считали нужным, чтобы остановить кровопролитие. Однако во многих случаях арабская

сторона не была готова выполнить свою часть сделки, и рост активности боевиков приводил к еще большему беспокойству в израильском государстве.

Тем не менее, следует отметить тенденцию улучшения отношений между Израилем и странами Персидского залива против Ирана. Арабо-израильский альянс против Ирана возник в 2017 г. [49]. Координация произошла в свете взаимных интересов региональной безопасности Израиля и суннитских арабских государств во главе с Саудовской Аравией, и их противостояния иранским интересам на всем БВ – ирано-израильского прокси-конфликта и ирано-саудовского прокси-конфликта. Арабские государства, участвующие в координационной группе, составляют ядро Совета сотрудничества стран Персидского залива. К ним относятся Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты и Оман.

В феврале 2020 г. премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху и председатель Совета суверенитета Судана Абдель Фаттах аль-Бурхан встретились в Уганде, где они оба согласились нормализовать отношения между двумя странами [41]. Позже в том же месяце израильским самолетам было разрешено летать над Суданом. Затем последовали Абрахамские соглашения [35], которые были согласованы Израилем и Объединенными Арабскими Эмиратами (ОАЭ) 13.08.2020, а вскоре после этого – Бахрейном. Договор был призван урегулировать отношения между двумя странами. Одновременно Израиль согласился приостановить планы по аннексии Иорданской долины.

Синайский конфликт (с 2011 года по настоящее время) – это вооруженный конфликт между египетскими силами безопасности и исламистскими боевиками на Синайском полуострове. После того как в 2014 г. боевики на Синае стали частью ИГИЛ (запрещена в РФ), начались масштабные нападения на гражданские объекты [20, с. 547].

В 2015 г. произошла одна из крупнейших катастроф в истории авиации, когда авиалайнер *Airbus A321–231* был подорван боевиками. На борту находилось 224 чел. В последствии, египетской стороной было заявлено, что боевики были ликвидированы [20, с. 549].

В конце 2018 г. усугубилась – на Синае шла открытая гражданская война. Чрезвычайное положение существует на севере Синая с октября 2014 г., а в стране в целом – с апреля 2017 г. В сентябре 2019 г. в Каире вспыхнули антиправительственные протесты, на которые правительство ответило массовыми арестами и отключением интернета [20, с. 550].

После ликвидации ряда главарей ИГИЛ (запрещена РФ) в 2019 г. на территории Синая, боевые действия прекратились, однако террористические акты продолжаются. В 2022 г. погибло около 20 египетских военных в результате терактов [47, с. 315].

Опасным чагом нестабильности на БВ является ситуация в Ливии. Вооруженный конфликт в Ливии продолжается с тех пор, как вооруженное восстание при поддержке западной военной интервенции свергло ее лидера Муаммара Каддафи в 2011 г. [36, с. 74] В соответствии со Схиратским соглашением 2015 г., под руководством ООН, в 2016 г. в Триполи было создано Правительство национального согласия (ПНС) – во главе с премьер-министром Файезом аль-Сарраджем. ПНС поддерживается свободным альянсом ополченцев в столице и контролирует то, что осталось от ливийского государства и его институтов в Триполи. ПНС противостоит конкурирующий государственный институт – Палате представителей в Тобруке на востоке страны, которая не смогла ратифицировать Схиратские соглашения. Халифа Хафтар, глава самопровозглашенной Ливийской национальной армии (ЛНА), которая представляет собой смесь вооруженных группировок, имеющих племенную или региональную основу, поддерживает Палату представителей [8, с. 153].

На момент 2023 г. активные боевые действия не ведутся, однако оппозиция организует уличные протесты в Триполи, обвиняя правительство в коррупции и плохом управлении страной [54].

Корни современного этапа конфликта и гуманитарного кризиса в Йемене сложны и противоречивы. Восстание хути началось в 2004 г., когда Хусейн Бадреддин аль-Хути, лидер шиитов-зейдитов, начал восстание против йеменского правительства. Аль-Хути был убит во время этого восстания, и с тех пор повстанцы

известны как хути (официальное название – Ансар Аллах). В 2014 г., после нескольких лет растущего насилия, страна вступила в новую фазу гражданской войны между международно признанным правительством президента Абдраббу Мансура Хади и непростым альянсом поддерживаемых Ираном хути и сил, верных бывшему президенту Али Абдалле Салеху, которые контролировали столицу Сану и значительную часть страны [26, с. 91].

В конце 2018 г. в Йемене существовало как минимум четыре отдельных, но взаимосвязанных вооруженных конфликта [22, с. 402]:

1 Основная гражданская война на побережье Красного моря, где правительственные силы, поддерживаемые ОАЭ, продвигались с юга и угрожали Ходейде, четвертому по величине городу Йемена и его главному порту на Красном море для импорта продовольствия, хотя прекращение огня при посредничестве Организации Объединенных Наций с центром в Ходейде, согласованное 13 декабря 2018 г., дало новые основания для оптимизма.

2 Граница между Саудовской Аравией и Йеменом, включая усиление ракетных ударов Хути по городам Саудовской Аравии и ответные воздушные удары.

3 Вторичная гражданская война внутри коалиции во главе с Саудовской Аравией и ОАЭ – между центральным правительством (обычно базирующимся на севере) и Южным движением, хрупкой коалицией сепаратистских групп, действующих в Адене, Хадрамауте и Шебве на юге и представленных политически Южным переходным советом (ЮПС);

4 Возглавляемая США контртеррористическая кампания против радикальных исламистских групп, включая Аль-Каиду на Аравийском полуострове (АКАП, запрещена в РФ) [25, с. 113]. Группа экспертов ООН по Йемену пришла к выводу, что многие вооруженные группы пытаются достичь двух основных целей: «монополия на вооруженное насилие на подконтрольной им территории и контроль над потоками доходов» [51].

Хотя прекращение огня в Ходейде, согласованное в Стокгольме в декабре 2018 г., продолжало действовать, и противоборствующие стороны предприняли

первые шаги по выполнению соглашения, боевые действия велись в других районах, не охваченных соглашением, в том числе среди предполагаемых союзников: на севере между повстанцами Хути и племенем Хаджур и в южном городе Таиз между номинально союзными проправительственными группами [25, с. 114]. Фракционные столкновения внутри альянса Хути-Салех были регулярным явлением в течение 2019 г., особенно в мухафазе Ибб [8, с. 164]. Хути продолжали подавлять инакомыслие в районах, находящихся под их контролем.

В 2019 г. правительства Саудовской Аравии и ОАЭ объявили о выводе военного контингента, однако все еще сохраняют его на границах страны, для реализации стратегических целей. В 2021 г. в рамках ООН было инициировано расследование о нарушении прав человека в Йемене, однако Бахрейн, Россия и другие члены Совета по правам человека высказались против. В 2022 г. конфликт перешел в вялотекущее состояние, стороны согласились обменяться пленными, однако окончательное разрешение конфликта не произошло.

Таким образом, БВ является регионом с высоким показателем конфликтности. В 2023 г. в регионе были отмечены конфликты, различной степени активности: конфликты на территории Ирака и Сирии, конфликт между Израилем и Палестиной, вооруженные конфликты в Ливии, конфликт в Йемене. Конфликты на территории Ирака и Сирии характеризуются высокой степенью взаимосвязанности, поскольку Сирия и Ирак разделяют общие угрозы – опасность вторжения со стороны Турции, деятельность запрещенных группировок, отсутствие полного контроля за территориями страны. Конфликт между Израилем и Палестиной является достаточно давним, соглашений между странами о перемирии нет, ввиду чего, боевые действия возобновляются раз в несколько лет. Последняя активизация сил в регионе была замечена в апреле 2023 г. Конфликт в Йемене является многосторонним, поскольку в нем участвуют как субгосударственные акторы, так и признанные государства.

2.3 Перспективы встраивания стран Ближнего Востока в современную систему международных отношений

Система международных отношений на БВ находится в состоянии транзита, переходного периода от норм и принципов, существовавших в XX в., к иным, которые заключаются в повышении уровня демократизации, развития уровня либеральных свобод и повышению роли международного сообщества в регионе. Социально-экономическое развитие стран региона в условиях глобализации, с одной стороны, и военно-политические потрясения, в том числе с участием внешних акторов, с другой, привели к изменению соотношения сил в регионе. Прежний баланс сил нарушен, контуры нового баланса сил пока неопределенны. В регионе происходит поддержание и воспроизводство политических и конфессиональных конфликтов, что объясняется не только их длительностью, но также недостаточной зрелостью национальных государств. Завершение догоняющей модернизации способствовало качественному повышению уровней экономического и социального развития стран региона; там продолжается формирование современной государственности, сочетающей элементы западной модели с нормами, институтами и ценностями традиционного общества.

В то же время, страны региона сталкиваются с рядом вызовов, которые затрудняют дальнейшее встраивание БВ в систему международных отношений (таблица 3).

Таблица 3 – Региональные вызовы интеграции БВ [составлено автором по: 46]

Категории вызовов	Характер вызовов	Сущность
1	2	3
Политические	Слабая развитость государственных и региональных институтов	Политико-дипломатическая координация происходит больше на лично-неформальном уровне, чем в стремлении к общим нормам и ценностям.
	Противоречие национальных и интеграционных интересов	Арабские режимы на практике заинтересованы в сохранении внутреннего статус-кво в ущерб реформам и политике адаптации.

1	2	3
	Недостаточный уровень демократии	Высокий уровень авторитаризма стран региона не позволяет проводить демократическую интеграцию.
	Внешнее влияние на регион	На БВ регулярно вторгаются крупные державы, которые навязывают свои правила.
Экономические	Экономика «рантье»	Экономика большинства стран региона зависит от платежей внешних акторов за продажу природных ресурсов.
	Схожая структура экономики	У большинства стран региона (за исключением Турции и Израиля) экспорт и импорт составляют одинаковые категории товаров, что приводит к сложностям во внутренней торговле.
	Бизнес-сообщества	На БВ крупные предприятия напрямую зависят от политической воли лидеров стран, которые могут на основе частной дискриминации запрещать функционировать предприятию.
	Высокие тарифы	На БВ средние торговые тарифы в несколько раз больше, чем в Европе, США и России, что дополнительно усложняет ведение торговых дел.
	Нехватка инфраструктурной связи	Большая часть стран региона не связана даже железной дорогой. Это затрудняет внутрорегиональную торговлю.
Вызовы региональной безопасности	Соперничество Ирана и стран Персидского залива	Соперничество между Ираном и монархиями Персидского залива препятствует возникновению новой структуры безопасности в субрегионе.

Однако, несмотря на ряд проблем в регионе, тем не менее существует ряд инициатив, которые расширяют возможности встраивания региона БВ в международную систему отношений.

Например, Европа предоставила разнообразные направления развития регионализма на БВ. Во-первых, географическая близость делает эти два региональных пространства естественным образом взаимозависимыми. Отношения между ЕС и БВ характеризуются взаимной заинтересованностью в содействии региональному сотрудничеству между севером и югом Средиземного моря. С одной стороны, средиземноморские страны, не входящие в ЕС, нуждаются в иностранной помощи для стимулирования экономического роста. С другой стороны, европейская политика также была сфокусирована на вопросах безопасности и основана на идее, что процветающее соседство будет взаимовыгодным для обоих регионов. В

конечном итоге, следует отметить, что ЕС является главным торговым партнером всех ближневосточных стран.

Одной из основных платформ для сотрудничества является Евро-средиземноморское партнёрство. Евро-средиземноморское партнерство прошло через различные фазы, начиная с 1970 г. После первой Средиземноморской политики (1972–1992 гг.) и так называемой обновленной Средиземноморской политики (1992–1995 гг.), последняя фаза началась в 1995 г. в рамках Барселонского процесса. Конечной целью Барселонского процесса было «превращение Средиземноморского бассейна в зону диалога, обмена и сотрудничества, гарантирующую мир, стабильность и процветание» [21]. Инициатива расцвела после холодной войны, на волне атмосферы, характеризующейся энтузиазмом в отношении распространения демократии и свободного рынка.

На формирование данного партнерства сильно повлияли следующие события на БВ: война в Персидском заливе (1990–1991 гг.); Мадридская конференция (1992 г.); арабо-израильский мирный процесс [45, с. 175].

Барселонский процесс был сформулирован в четырех главах:

- политика и безопасность;
- экономика и торговля;
- социально-культурная сфера;
- юстиция и внутренние дела [21].

В конечном счете, Барселонский процесс был основан на принципе многосторонности. Европейская стратегия безопасности была запущена в 2003 г. под девизом «Безопасная Европа в лучшем мире» [52]. Урегулирование арабо-израильского конфликта было признано стратегическим приоритетом для Европы.

В 2004 г. была провозглашена Европейская политика соседства. Она не противоречила Барселонскому процессу, но была направлена на его корректировку, переходя от многосторонней ориентации к диалогу между странами. В 2008 г. под влиянием Франции был создан Средиземноморский союз, сфокусированный на проектах в водном секторе, энергетике и создании рабочих мест. Средиземноморский союз был основан на убеждении, что безопасность будет

достигнута через стимулирование экономического развития. В отличие от Барселонского процесса, он устранил «демократические условия» режимов, чтобы войти в многостороннюю среду. В апреле 2011 г., на волне «арабской весны», ЕС запустил новую политику: стратегию «Деньги, рынок, мобильность», которая должна была повысить степень экономического сотрудничества стран Европы и БВ [52].

Начиная с 2017 г. ЕС ежегодно выдает около 6 млн евро на содействие экономической интеграции стран региона, однако на данный момент можно констатировать, что данная инициатива находится в тупике [3, с. 273]. Большое количество дублирующих друг друга программ не способствуют интеграции БВ в международную систему взаимоотношений. Кроме того, финансовые вливания без строгой подотчётности и требовательности к результатам не приводят к должным результатам. Более того, Евро-средиземноморское партнёрство не обладает серьёзными полномочиями, из-за чего его эффективность остается сомнительной.

Помимо ЕС, активную роль в интеграции БВ осуществляют США. Одной из их наиболее известных инициатив являются соответствующие промышленные зоны (СПЗ) [5, с. 158]. СПЗ являются продолжением уже заключенного соглашения о свободной торговле между США и Израилем. Эти соглашения позволяют беспошлинно экспортировать на американский рынок определенные товары из определенных промышленных зон в Египте, Иордании, секторе Газа и на Западном берегу. Товары, произведенные совместно Израилем и Иорданией или Египтом, имеют право беспошлинного ввоза в США без ограничения квот. Соглашение требует особых правил происхождения, но не требует взаимного обращения со стороны Египта или Иордании. Далеко не являясь региональным торговым соглашением (РТС) или соглашением о свободной торговле (ССТ), доступ на рынок предоставляется только одному партнеру – США.

С точки зрения США, это способствует миру в регионе через экономическое развитие и интеграцию путем стимулирования торговли между Израилем и другими арабскими государствами, входящими в СПЗ. С этой точки зрения, хотя СПЗ не соответствуют правилам Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ)

или Всемирной торговой организации (ВТО), они никогда не оспаривались из-за политической деликатности сценария и стоящей за ним цели – мира в регионе.

СПЗ также были призваны достичь нормализации отношений между Израилем и его арабскими соседями путем реализации практической экономической взаимозависимости между ними (СПЗ были созданы на основе опыта Европейского сообщества стали и угля в 1952 г., целью которого было предотвращение потенциальной войны между Германией и Францией) [52].

Тринадцать СПЗ оказали положительное экономическое влияние на Иорданию и Египет, хотя и не смогли добиться такого же успеха, например, в Марокко. Кроме того, СПЗ не добились успеха в улучшении технологического трансфера в арабские страны и в предоставлении им модернизированных программ профессионального обучения для стимулирования найма большего количества людей. Для достижения успеха в этой области необходимо полностью пересмотреть систему профессионального обучения в каждой из этих стран, что выходит за рамки регионалистских усилий.

Тем не менее, существенного вклада в глобальную интеграцию региона данная инициатива не привносит. По большей мере, она предоставляет США дополнительные рычаги влияния на регион.

Помимо СПЗ, со стороны США существует еще одна программа по помощи интеграции БВ в международную систему отношений – Инициатива по созданию зоны свободной торговли (ЗСТ) на БВ. С целью создания регионального соглашения о свободной торговле в 2013 г., Инициатива предусматривает поэтапные шаги для стран БВ по увеличению торговли и инвестиций с США и другими международными игроками [30, с. 163].

Инициатива разрабатывалась с целью укрепления сотрудничества США со странами, которые хотят стать членами ВТО, с целью облегчения их вступления в нее. Согласно стратегии Инициативе, США будут придерживаться конкретных стратегий по расширению торговых и инвестиционных отношений, причем каждая стратегия будет соответствовать уровню развития соответствующей страны.

Условием, которое требуется от участников Инициативы является реализация программы внутренних реформ, установление верховенства закона, защита прав собственности, а также создание основы для открытости и экономического роста.

Двусторонние ЗСТ с Бахрейном, Иорданией, Марокко и Оманом уже вступили в силу. США поддерживают усилия по вступлению в ВТО Алжира, Ливана и Йемена, а также предпринимают шаги по возобновлению диалога с другими ключевыми торговыми партнерами в регионе, включая Египет и Саудовскую Аравию [30, с. 165].

Кроме непосредственно отдельных государств, международные организации также стремятся расширить направления сотрудничества стран БВ с остальным миром. Например, в разрешении вопросов региона активно принимает участие «Большая Семерка». В частности, регулярно проводятся саммиты по расширению участия БВ в глобальной политике.

Тем не менее, несмотря на ряд проблем в реализации подобных инициатив, следует отметить и положительные перспективы.

Нормализация отношений между рядом арабских государств и Израилем в конце 2020 г., будучи во многом мотивирована конъюнктурными антииранскими соображениями, объективно ведёт к изменениям стратегического характера, хотя сохраняющаяся неурегулированность палестинской проблемы делает невозможным достижение в регионе прочного мира, не говоря о противоречии существующего статус-кво элементарным идеалам справедливости [49]. Тем не менее этим соглашением, сулящим экономическую и технологическую связанность, ряд арабских государств как бы демонстрирует однозначный выбор пути развития.

Другая линия трансформации связана с отношениями между арабскими и неарабскими державами. Процесс внутреннего изменения затронул Турцию, Иран и Израиль не в меньшей степени, чем их арабских соседей.

Турецкая и иранская модели избежали событий «арабской весны» – никаких крупных протестных движений не образовалось, трансформации режимов не произошло. Но обе страны продемонстрировали свою привлекательность в качестве

своеобразных образцов социально-политического развития для значительных масс населения в арабском мире и за его пределами.

Израиль, по очевидным причинам, избежав внутренних волнений во время событий «арабской весны» за последние годы всё же глубже интегрировался в ближневосточную систему отношений, свидетельством чего и стала вышеупомянутая нормализация [52].

Рассматривая Турцию, следует указать, что её резкая активизация и рост геополитических амбиций могут рассматриваться уже как определенная тенденция регионального развития [48, с. 9]. Раньше аналитики склонялись к мысли, что Турция способна выступать скорее как спойлер для региона, но вряд ли способна создать основы собственного порядка. Сегодня можно наблюдать, что Анкара стремится избавиться от подобного ограничения. Турция стремится выступать как региональная сила, претендует на выстраивание основ порядка, причём не только на БВ, но в какой-то мере и за пределами региона, следствием чего становится частичное изменение границ БВ, распространение свойственной ему конфликтной логики на Восточное Средиземноморье и другие соседние регионы.

Отдельно следует отметить возросшую роль Саудовскую Аравию как внутри региона, так и в мире в целом. Несмотря на относительную примитивность экономики (больше 80 % доходов составляет нефть), в последние годы Саудовская Аравия является крупным финансовым центром, из-за чего её глобальное влияние становится все больше.

Таким образом, БВ является динамично развивающимся регионом, который стремится встроиться в систему международных отношений. Этому препятствует ряд вызовов, которые затрудняют интеграцию БВ в международную систему отношений. Ряд политических, экономических проблем и вызовов региональной безопасности лишает регион возможности успешной интеграции. Тем не менее, существует ряд инициатив, которые направлены на повышение взаимодействия между странами БВ и другими регионами. В первую очередь в БВ на уровне международных организаций заинтересованы ЕС и США, которые стремятся в первую очередь повысить степень экономической интеграции. «Большая семерка»

также принимает участие в данном процессе, однако она не обладает какими-либо полномочиями, поэтому успеха не имеет. В рамках перспектив региона, основные надежды возлагаются на четыре страны: Израиль, Турция, Иран и Саудовская Аравия. Каждая из стран обладает рядом преимуществ, которые позволяют благодаря внутренним усилиям повышать уровень интегрированности региона в международную политику.

Заключение

В ходе работы было изучено понятие региона и региональных систем в рамках международных отношений. Несмотря на относительную новизну данных терминов в науке геополитике, существует определенная методология, которая позволяет четко определить, что является регионом в рамках международных отношений:

- регионы в социальном и культурном отношении однородны, внутренние атрибуты характеризуются определенной степенью схожести;
- государства внутри региона обладают схожими политическими свойствами и сходными взглядами на ведение внутренней и внешней политики;
- государства связаны в рамках межгосударственных структур;
- страны внутри региона связаны высокой долей внутрирегиональной торговли.

Термин БВ свойственен скорее западной науке, нежели внутрирегиональной. Под понятием БВ как правило понимается ряд государств Северной Африки и Юго-западной Азии. Сильное влияние БВ получал от европейской системы международных отношений, которая эволюционировала на протяжении столетий. В целом, БВ характерны определенные фундаментальные понятия, используемые в европейской науке, однако понимаются они уникально, из-за чего регион обладает высокой степенью самобытности.

Значительное влияние в данный период на регион оказывали в первую очередь глобальные сверхдержавы – США и СССР. Кроме того, для региона был характерен ряд тенденций развития:

- рост «панарабизма», как движения объединения всего региона;
- последующее ослабление движения «панарабизма» и усиление роли отдельных акторов региона;
- рост конфликтов между участниками региональных отношений;
- значительная степень влияния США на регион после развала СССР.

Несмотря на высокую степень конфликтности, раздробленности и противоречий, страны внутри региона стремятся к сотрудничеству, так как это

позволяет усилить свое положение как внутри региона, так и на международной арене. В рамках БВ наблюдаются три модели сотрудничества:

- объединения на основе региональной безопасности;
- объединения на основе экономического взаимодействия;
- сотрудничество в энергетической сфере.

Деление представляется достаточно условным, поскольку ряд альянсов внутри региона может носить комплексный характер, преследуя одновременно несколько целей сотрудничества.

Тем не менее, в регионе наблюдается большое количество конфликтов. В целом можно выделить четыре направления конфликтности в регионе:

- конфликты на территории Ирака, Сирии и Турции;
- конфликт Израиля и Палестины;
- вооруженные конфликты на территории Северной Африки;
- конфликт в Йемене.

Несмотря на это у региона БВ наблюдается ряд тенденций и положительных перспектив по встраиванию в международную систему. Активную роль в этом играют ЕС, США и страны «Большой семерки». Однако в последние годы все большую роль стали играть внутренние акторы региона – Израиль, Турция, Иран и Саудовская Аравия.

Список использованных источников

- 1 Ахмадуллин В. В. Анализ интерпретации термина «Ближний Восток» арабоязычными авторами // Армия и общество. 2019. № 1 (38). С. 274–279.
- 2 Ближний Восток в поисках утраченного возрождения. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/37217/> (дата обращения: 28.04.2023).
- 3 Бородина М. Ю. Модели межгосударственного сотрудничества на Ближнем Востоке // Мировая политика. 2020. № 4. С. 267–274.
- 4 Будущее Ближнего Востока: два горизонта угроз и возможностей. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/budushchee-blizhnego-vostok-dva-gorizonta-ugroz-i-vozmozhnostey/> (дата обращения: 28.04.2023).
- 5 Гафуров С. З. Крест, полумесяц и арабская нация: Идейные течения на Ближнем Востоке: научно-популярное издание. М. : Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2021. 245 с.
- 6 Гофман А. В. Специфика Ближнего Востока как подсистемы международных отношений в конце холодной войны // Via in tempore. История. Политология. 2022. № 3. С. 154–159.
- 7 Грибаускас К. А. Восток в XXI веке: современные международные отношения // The Newman in Foreign policy. 2020. № 33 (77). С. 351–357.
- 8 Звягельская И. Д. Ближневосточный клинч: конфликты на Ближнем Востоке и политика России. М. : Аспект Пресс, 2021. 208 с.
- 9 Звягельская И. Д. Ближний Восток и Центральная Азия: глобальные тренды в региональном исполнении. М. : Аспект Пресс, 2020. 224 с.
- 10 Звягельская И. Д. Ближний Восток: политика и идентичность: монография. М. : Аспект Пресс, 2021. 336 с.
- 11 Калиев И. А., Темиров А. О. Понятие региона и региональных подсистем в международных отношениях // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2022. № 68. С. 51–59.

- 12 Крылов А., Федорченко А. Ближний Восток: состояние и перспективы развития региональной ситуации // Россия и мусульманский мир. 2019. № 10 (292). С. 343–348.
- 13 Плотникова О. В. Международные отношения государств и международные связи регионов государств: общее и особенное // Власть. 2020. № 12. С. 194–198.
- 14 Семгин Г. Ю. Политическая энциклопедия. В 2-х томах. М. : «Мысль», 2018. 331 с.
- 15 Чикаидзе Ц. М., Койбаев Б. Г. Ближний Восток: политическая составляющая // Научная мысль Кавказа. 2020. № 1 (89). С. 83–88.
- 16 Шевелев Д. Ближний Восток и системы международных отношений: принципы, хронология, теории // Журнал международного права и международных отношений. 2020. № 1–2 (92–93). С. 27–36.
- 17 Aldeen M. S. The Houthi–Tribal conflict in Yemen // SIPRI Yearbook. 2020. Vol. 12. P. 116–123.
- 18 Allen J. Rethinking the Region. L. : Routledge, 1998. 159 p.
- 19 Armed conflict and peace processes in the Middle East and North Africa. URL: <https://sipri.org/yearbook/2020/06> (дата обращения: 28.04.2023).
- 20 Ashour O. Sinai’s insurgency: Implications of enhanced guerrilla warfare // Studies in Conflict & Terrorism. 2020. Vol. 42. № 6. P. 541–558.
- 21 Barcelona Declaration. URL: http://ec.europa.eu/research/iscp/pdf/barcelona_declaration.pdf (дата обращения: 29.04.2023).
- 22 Bulet A. Geopolitics of the New Middle East: Perspectives from Inside and Outside // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. Vol. 23:3. 2020. P. 397–412.
- 23 Conflict Trends in the Middle East, 1989–2022. URL: <https://relief-web.int/report/syrian-arab-republic/conflict-trends-middle-east-1989-2022> (дата обращения: 29.04.2023).
- 24 Contemporary Review of the Middle East. URL: <https://journals.sagepub.com/home/cme> (дата обращения: 28.04.2023).

25 Davis I. Armed conflict and peace processes in the Middle East and North Africa / SIPRI Yearbook. 2021. Vol. 18. P. 108–114.

26 Davis I. Armed conflict in sub-Saharan Africa // SIPRI Yearbook. 2019. Vol. 13 P. 80–92.

27 GCC Charter. URL: www.gcc-sg.org/eng/ (дата обращения: 30.04.2023).

28 Government in Iraq. URL: <https://gds.gov.iq/pm/> (дата обращения: 30.04.2023).

29 Government of Yemen, official statistics. URL: www.cso-yemen.org/content.php?lng=arabic&id=553 (дата обращения: 30.04.2023).

30 Griswold W. Does the center imagine the periphery // Comparative Social Research. 2022. Vol. 17. P. 129–175.

31 How to understand Israel and Saudi Arabia's secretive relationship. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2022/07/11/how-to-understand-israel-and-saudi-arabias-secretive-relationship/> (дата обращения: 28.04.2023).

32 Huntington E. The Character of Races, as Influenced by Physical Environment. Natural Selection and Historical Development. N.Y. : C. Scribner's Sons, 1924. 393 p.

33 IBP USA, Arab States Business Law Handbook. Washington : International Business Publications. 2022. URL: <https://www.abebooks.com/9780739720462/Saudi-Arabia-Business-Law-Handbook-0739720465/plp> (дата обращения: 30.04.2023).

34 IMF Data and Statistics. URL: www.imf.org/external/data.htm (дата обращения: 30.04.2023).

35 Israel, UAE to normalize relations in shift in Mideast politics; West Bank annexations on hold. URL: <https://www.reuters.com/article/us-israel-emirates-trump/with-trumps-help-israel-and-the-united-arab-emirates-reach-historic-deal-to-normalize-relationships-idUSKCN25926W> (дата обращения: 29.04.2023).

36 Kuperman A. Obama's Libya debacle: How a well-meaning intervention ended in failure. N.Y. : Foreign Affairs, 2020. 131 p.

37 Livingstone D. N. The Geographical Tradition: Episodes in the History of a Contested Enterprise. Oxford: Wiley, 2016. 444 p.

38 Logan J. R. Urban Fortunes: The Political Economy of Place. Berkeley: University of California Press, 1987. 383 p.

39 Mapping the middle east's new alliance system. URL: <https://seth-frantzman.com/2020/11/24/mapping-the-middle-east-s-new-alliance-system/> (дата обращения: 28.04.2023).

40 Middle East Free Trade Area Initiative. URL: <https://ustr.gov/trade-agreements/other-initiatives/middle-east-free-trade-area-initiative-mefta> (дата обращения: 28.04.2023).

41 Netanyahu, Sudanese Leader Meet in Uganda, Agree to Start Normalizing Ties. URL: <https://www.haaretz.com/israel-news/2020-02-04/ty-article/.premium/alongside-netanyahu-ugandan-president-says-hes-considering-embassy-in-jerusalem/0000017f-e99b-dc91-a17f-fd9f0ec10000> (дата обращения: 29.04.2023).

42 O'Driscoll D. «Governing the «ungoverned»: Suppressing the Islamic State's insurgency in Iraq». SIPRI commentary. 2019. 151 p.

43 Osman N. Ozalp Where is the Middle East? The Definition and Classification Problem of the Middle East as a Regional Subsystem in International Relations // Turkish German University. 2020. Vol. 2. P. 312–331.

44 Putnam R. D. Making Democracy Work. Princeton: Princeton University Press, 2021. 280 p.

45 Raymond H. The International Politics of the Middle East. Manchester : Manchester University Press, 2021. 368 p.

46 Regionalism and Regionalization in the Middle East: Options and Challenges. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/162756/ipi_e_pub_regionalism_me.pdf (дата обращения: 29.04.2023).

47 Tareq Y. Ismael The International Relations of the Middle East in the 21st Century. L. : Routledge, 2022. 418 p.

48 Tarık H. Oğuzlu Turkey as a restrained middle power // Turkish Studies. 2023. Vol. 12. P. 1–18.

49 There's an alliance growing between Saudi Arabia and Israel – and Iran should be worried. URL: <https://www.businessinsider.com/saudi-arabia-and-israel-anti-iran-alliance-2017-2> (дата обращения: 29.04.2023).

50 UN Information on National Statistical Systems. URL: http://unstats.un.org/unsd/methods/inter-natlinks/sd_natstat.asp (дата обращения: 30.04.2023).

51 UN Security Council. Final report of the Panel of Experts on Yemen. URL: https://www.securitycouncilreport.org/un_documents_type/sanctions-committee-documents/?ctype=Yemen&cbtype=yemen (дата обращения: 29.04.2023).

52 Understanding the Wave of normalization in the Middle East. URL: <https://www.fpri.org/article/2021/01/understanding-the-wave-of-normalization-in-the-middle-east/> (дата обращения: 28.04.2023).

53 Vidal de la Blache P. Principles of Human Geography. L. : H. Holt and Co, 1926. 511 p.

54 What is behind the protests rocking Libya? URL: <https://www.aljazeera.com/news/2022/7/6/what-is-behind-the-protests-rocking-libya> (дата обращения: 30.04.2023).

55 World Customs Organization definition. URL: www.wcoomd.org/en/topics/origin/instrument-and-tools/comparative-study-on-preferential-rules-of-origin/specific-topics/study-annex/cum-dia-abs.aspx (дата обращения: 30.04.2023).

56 Wright J. International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. Amsterdam : Elsevier, 2015. 1001 p.